

НЕМЦЫ В ГОРОДЕ

Алексей Оутерицкий

Алексей Оутерицкий

Немцы в городе

«Издательские решения»

2015

Оутерицкий А.

Немцы в городе / А. Оутерицкий — «Издательские решения», 2015

«НЕМЦЫ В ГОРОДЕ» — фантастика, мистика, современная проза.
ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ: «Генератор Митчелла»; «Служу Советскому Союзу! Стражи Отчизны»; «Немцы в городе»; «Дорога на Гуанчжоу».
«ГЕНЕРАТОР МИТЧЕЛЛА»: Молодой человек устраивается на временную работу в ремонтно-механический цех обычной на первый взгляд ткацкой фабрики, не подозревая, что после трудоустройства его жизнь поменяется кардинальным образом.

© Оутерицкий А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Генератор Митчелла	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Немцы в городе

Алексей Оутерицкий

© Алексей Оутерицкий, 2015

© «АО Project», дизайн обложки, 2015

Корректор Лариса Шикина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Генератор Митчелла

Никогда не может быть так плохо, чтобы не могло стать еще хуже. До определенного дня я этой истины не знал, хотя незнание не снимало с меня ответственности.

Но вот пришел день, когда я остался без денег. Более того. Хотя я уже обладал некоторым жизненным опытом и знал, что дензнаки имеют свойство заканчиваться неожиданно, это стало для меня именно неожиданностью.

Обстоятельство, до определенного момента сбивавшее меня с толку: денег было много. Именно поэтому мне казалось, что их хватит надолго. Что такой постулат был ошибочным, я понял с запозданием, вдруг обнаружив, что мне нечего жрать.

С другой стороны, все в жизни относительно и такую формулировку не следовало бы воспринимать буквально. Конечно, жратва была, даже немало. Но какая жратва. К примеру, картошка, которую следовало чистить и потом что-то с ней делать. Макароны, которые следовало варить. Пакетные супы, с которыми тоже нужно возиться, и так далее. Другими словами, не стало колбасы, кусок которой можно отрезать и сожрать с хлебом, предварительно намазав его маслом. Также не было масла, которым можно мазать тот хлеб, и не было самого хлеба. И еще не было чая, которым следовало все это запивать. Для изготовления такового не хватало всего пары ингредиентов, таких, как сахар и заварка.

Конечно, колбасу можно было купить, но для этого нужны были деньги, а они-то как раз и закончились. И у меня, по сути, оставался только один выход – попробовать самостоятельно их добыть. А добыть – означало заработать.

Я захлопнул холодильник и поплелся в коридор. На тумбочке возле телефона лежала телефонная книжка – длинный узкий блокнот в красном пластиковом переплете. Соприкоснувшись с его ребристой поверхностью, пальцы подарили организму тревожное ощущение. Наверное, это было связано с предстоящим звонком. Он не то чтобы был неприятен, но нес в себе некоторый элемент напряжения. А кому охота напрягаться.

– Семен Валентинович, здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Это Саша... – Пауза. Человек на том конце провода ожидал продолжения, и я, спохватившись, торопливо сказал: – Простите... Александр Кузин.

– А-а-а, Саша.

В голосе появились интонационно мягкие нотки. Все-таки сын его друга. Или хорошего знакомого. Или приятеля. Коллеги. Или как там принято у людей зрелого возраста. Это в мои восемнадцать все друг другу кореша, а у взрослых, конечно, свои правила игры.

– Да. Я хотел бы... – Теперь паузу взял я, пытаюсь собраться с мыслями. Как там у них принято обращаться с просьбами. – Я... э-э-э... – Пальцы свободной руки начали сами собой теревить упругую спираль телефонного провода.

– Саша, говори прямо. У тебя какие-то проблемы?

– Видите ли... – промямлил я, посмотрел на себя в настенное зеркало и внезапно перешагнул этот дурацкий, скорее надуманный, порог. Какого черта. Говори как есть и меньше думай о словесном оформлении своей просьбы. В конце концов, тебе простительно. Тебе восемнадцать и ты сын его друга. Или приятеля. Или коллеги. – Я попал в... э-э-э... несколько затруднительное положение, Семен Валентинович.

– Что-то случилось? – В его голос вернулась настороженность. – Надеюсь, это не связано с милицией или...

– Нет, что вы! Я просто остался без денег.

– Ага... – Он несколько секунд помолчал, что-то про себя прикидывая. – Сколько тебе нужно?

Я сообразил, что сделал промашку.

– Вы неправильно поняли, – поспешно сказал я, – я вовсе не то имел в виду. Я не к тому, чтобы попросить у вас взаймы. Мне бы устроиться на работу. Отец говорил, что в случае чего...

– Я помню о договоренностях с твоими родителями, Саша, – мягко оборвал меня Семен Валентинович. И опять взял небольшую паузу. На сей раз его молчание было деловитым, это чувствовалось даже на расстоянии, через провода. Такое молчание возникает, когда человек прикидывает про себя что-то конкретное – имена, даты, цифры. – Тебе когда в армию?

– Осенью. У меня отсрочка на полгода.

– Это не есть хорошо, – сказал Семен Валентинович. – Все заинтересованы в постоянных работниках, поэтому всегда проще, когда человек отслужил в армии.

– То есть... – начал я, но меня опять перебили:

– Впрочем, у меня неплохие завязки на ткацкой фабрике, поэтому, уверен, вопрос решаемый. Фабрика, кстати, находится...

– Я знаю. Это две остановки от моего дома, – сказал я.

– Хорошо. Давай договоримся так... Через час-другой я тебе перезвоню. Идет?

– Идет, – сказал я.

– Саша, родители звонят, пишут?

– Звонят. Примерно раз в неделю.

– И как они?

– Да нормально, Семен Валентинович. Командировка уже к концу подходит. Кажется, меньше месяца осталось.

– Вот и хорошо. При случае передавай им привет.

И Семен Валентинович положил трубку

Я вспомнил, что видел где-то пару упаковок с рафинадом, какие выдают в поездах, и побрел на кухню, искать. Если приплюсовать к этому рафинаду завалившийся кулек с закаменившими сухарями, наклевывался вполне сносный ужин.

Валентин Семенович позвонил утром. Затем позвонил Виталь и сообщил, что наши собрались ехать на озеро. Я отказался, сославшись на срочные дела, и весь день провалялся дома, пытаясь представить, какую мне предложат работу, но периодически сбивался на мысли о симпатичных девчонках – много ли их на этой фабрике. По идее, поскольку фабрика ткацкая, их там должно быть до хрена и больше.

В обед я отварил макароны, обыскал всю кухню, нашел банку с рыбой и, разбив молотком полбатона черствого хлеба, закатил настоящий пир, хотя макароны слиплись в однородную бугристую массу. А к вечеру вдруг поймал себя на легком мандраже перед предстоящим и понял, что наверняка полночи проваляюсь без сна – все же устраиваться на работу мне предстояло впервые. И вроде бы ничего особенного, но, одновременно, присутствовало какое-то напряжение, все-таки шаг был ответственным. Как-то это было по-настоящему, что ли...

В поисках подходящего чтива я забрел в кабинет отца. Уезжая, он почему-то не запер его, хотя наверняка опасался, что я стану таскать домой компании. Возможно, забыл, а возможно, сделал это нарочно, как бы показывая, что доверяет мне, считая взрослым. Честно говоря, такая версия мне нравилась, и только благодаря ей у меня возник соответствующий настрой, позволивший мне целый месяц непреклонно отбивать атаки дружбанов, неоднократно предлагавших закатить на моей квартире хорошую пьянку.

Интересно, что он не запер даже свой сейф, хотя это уже наверняка было сделано по элементарной рассеянности. Сейф я обыскал в первый же день и ничего полезного или интересного в нем не нашел. Какие-то папки с предостерегающими надписями «секретно», журналы с

грифами «для служебного пользования», в основном на иностранных языках – в общем, всякая макулатура.

Я взял плотную папку, набитую машинописными страницами, прошитыми толстой красной нитью, и завалился на кожаный диван для отдыха, который обеспечивал отцу дополнительную автономность существования. Когда у отца была напряженная работа, он мог позволить себе выходить из кабинета только в туалет и для принятия пищи, поскольку есть предпочитал на кухне. Я подозревал, что это со стороны отца было вынужденной мерой, поскольку кажущееся преимущество принятия пищи в кабинете могло обернуться противоположностью – потребовалось бы периодически впускать мать для уборки посуды, крошек, еще каких-то хозяйственных работ, что помешало бы его уединению.

Интересно, что у матери своего кабинета не было и дома она не работала. Они с отцом даже не вели дома служебных разговоров, хотя были коллегами и, кажется, даже работали по одной теме.

Пробежав глазами по грифам, я убедился, что особой секретности в документах наугад выбранной мной папки нет, в данном случае дело ограничилось «служебным использованием», а значит, какого-то особо злостного преступления мной совершено не будет. То есть, в случае чего меня не расстреляют, а ограничатся тем, что впаяют пожизненный срок.

Пролистнув пару страниц, я убедился, что сделал неудачный выбор. Речь шла о каком-то генераторе, причем словесная описательная часть была минимальной, зато всяческих мудреных формул и схем было столько, что у меня зарябило в глазах. Вставать, однако, было лень, да и вряд ли в сейфе были документы иного рода. Уж по крайней мере беллетристика отсутствовала точно.

Генератор, насколько я понял, не представлял собой мудреный агрегат типа какого-нибудь усложненного дизель-генератора, который мы проходили на уроке военного дела, он был чем-то неосязаемым, вроде случайно обнаруженного побочного эффекта при работе других, уже настоящих электрических и механических агрегатов, используемых на военном заводе, занимающимся производством какой-то сложной электронной аппаратуры. Эффект был обнаружен случайно и возникал только при определенной последовательности включения производственных мощностей одного из цехов этого завода.

Все было настолько непонятно, что я с грехом пополам уловил лишь общий смысл. Как я понял, выходило примерно так. Когда включался какой-то станок, обеспечивающий калибровку каких-то сверхточных и сверхсекретных деталей, причем включался он в силовом поле другого аппарата в этом же цехе, включенного ранее и настроенного особым образом, то при этих условиях и начинал работать этот чертов генератор, которого, по сути, не существовало и который был назван так условно. Причем искусственным образом воспроизвести возникновение такого эффекта пока не удавалось, силовое поле генератора возникало непредсказуемо.

С возросшим любопытством я пролистал еще пару десятков страниц и, наконец, наткнулся на самое интересное, а главное, хоть мало-мальски понятное. По крайней мере, здесь было меньше всяческих цифр и формул, а некоторые фразы были написаны даже относительно человеческим языком. Выходило, что этот чертов генератор, которого на самом деле не было, но природу возникновения которого необходимо было тщательно изучить, для чего отцу и были выданы эти документы с техническими характеристиками генератора – являясь побочным эффектом работающей аппаратуры, излучал какие-то волны с чрезвычайно любопытными характеристиками, которые, в свою очередь, также создавали необычный эффект. У людей, попавших в зону излучения генератора, менялось восприятие действительности, физические свойства организма и психическое состояние. Считалось, что при воздействии на биологический объект волн генератора повышается агрессивность объекта; также волны способствуют быстрой – практически мгновенной – регенерации тканей, могут спровоцировать на неадекватные поступки, а по окончании воздействия на организм волнового эффекта индивидуум

забывает, что творилось с ним во время попадания в сектор воздействия загадочных волн. Иногда, правда, попавшие в зону действия работающего генератора могут частично сохранить память, но от чего это зависит, выяснить пока не удалось. Предполагалось, что это может быть связано с длительностью воздействия генератора или зависеть от особенностей подвергнувшегося облучению организма.

Также предполагалось, что волны генератора могут искусственно старить или молодить, но это ставилось под сомнение из-за недостатка данных для таких выводов. Высказывались также версии, что старение или омоложение имеет временный эффект или фиксируется только определенными группами людей, имеющими нестандартное восприятие окружающей среды, или самим попавшим под облучение индивидуумом – то есть является ложным.

К сожалению, к изучению воздействия волн генератора на живые организмы ученые только приступили, и изучение это представляло немалые трудности, поскольку условно называемый наблюдателем человек и сам попадал под воздействие генератора. Обычные методы видеосъемки не представлялись возможными, поскольку при включении генератора и возникновении волнового эффекта аппаратура переставала фиксировать происходящее, что также являлось на данный момент столь же необъяснимым, сколь и невероятным. По крайней мере, ничего подобного науке до сих пор известно не было.

Да и сами волны генератора не фиксировались приборами, то есть не являлись известными науке волнами – вообще само их существование было исключительно предположительным, на основе косвенных признаков.

Преодолевая сонливость, я листал прошитые и дополнительно скрепленные скоросшивателем листы как увлекательный детектив, хотя продрасться сквозь формулы и специальные термины было делом нелегким. Оказывается, загадочные волны, которые то ли были, то ли нет, распространялись очень интересным образом. В описании следовали ссылки на всевозможные мудреные статьи типа «Распространение нелинейных волн в неоднородных движущихся средах», «Исследования развития волновых структур на неустойчивой границе каверны с помощью скоростной видеокамеры», «Нелинейные волны и солитоны», и прочую научную заумь. Короче, как я понял или мне показалось, что я понял, эти чертовы волны чертового генератора могли проявиться в произвольной точке, независимо от ее удаленности от источника. То есть волны проникали в окружающую среду произвольным образом, проходя через материю подобно воде, просачивающейся сквозь преграду по пути наименьшего сопротивления.

И одной из ближайших точек, в которой, как предполагали специалисты ведомства моего отца, проявлялись волны, периодически возникающие в одном из цехов секретного военного завода, расположенного в нескольких десятках километров от нашего города, был район фабрики «Текстиль». И с таким же успехом созданная этим генератором волна могла проявиться – и, возможно, проявлялась – где-нибудь в штате Алабама, на киргизском озере Иссык-Куль или возле индийского Тадж-Махала. Равно как и волны генератора в условной Алабаме могли проявиться или, возможно, проявлялись где-нибудь у нас, в СССР, или в том же Китае. Кстати, именно на одном из военных заводов США проявил себя впервые этот неуловимый генератор, и потому носил название «генератора Митчелла», по имени случайно обнаружившего необычное явление ученого. Точнее, возможно, подобные генераторы включались где-то и раньше, но именно в США был зафиксирован и описан эффект, возникающий при их работе.

Наверняка данные об американском генераторе выкрал наш разведчик, – подумалось мне, когда я закурил, не вставая, прямо в кабинете некурящего отца, что было строгой запретом домашними правилами.

А к тому моменту, когда меня окончательно сморил сон, я уже подковался во всевозможных генераторах и излучаемых ими волнах настолько, что чувствовал себя научным работником высочайшей квалификации, такой, которая могла бы позволить мне работать в ведомстве отца на руководящих должностях...

Выйдя из трамвая, я помчался к фабрике рысью, потому что, естественно, слегка проспал. Проспал же из-за того, что, естественно, забыл завести будильник. Завтрак состоял из горячей воды с сахаром и пары сухарей, поэтому еще следовало придумать, где достать деньги на обед.

Отдел кадров оказался метрах в пятидесяти от проходной. Двухэтажное здание белого кирпича было встроено в забор предприятия и имело вход с улицы. Это было удобно. Виталь говорил, что когда он ходил устраиваться на завод полупроводников, приходилось каждый раз выписывать пропуск, поскольку отдел кадров находился на заводской территории.

Наручные часы показывали девять ноль пять, а назначено мне было на девять. Кажется, ничего страшного.

Я поднялся по трехступенчатой лестнице крыльца, посторонился, пропуская работягу в серой робе, поколебался секунду, и спрашивать у него ничего не стал. Здание было небольшим и найти кабинет начальника отдела кадров не должно было составить труда.

Так и произошло. Через полминуты я стоял на втором этаже перед дверью с прямоугольной табличкой из полупрозрачной темной пластмассы, на которой путем гравировки с внутренней стороны была нанесена надпись в виде двух строчек из крупных светлых букв: «Начальник отдела кадров. Редькин П. А.».

Пригладив короткие волосы, я негромко постучал.

– Войдите.

Я потянул на себя ручку и зашел в довольно большой, стандартно обставленный кабинет. Было просто удивительным, насколько все эти кабинеты походили друг на друга. Военкоматы, отделы кадров, паспортные отделы, короче любые кабинеты любых казенных учреждений – все были оформлены словно под копирку. Почему-то государственные дизайнеры взяли за правило обивать стены деревом до полутораметровой примерно высоты.

– Садитесь.

Стул подо мной скрипнул и я принялся разглядывать явно небольшого роста мужчину лет под сорок, сидящего за столом. Он имел классический бухгалтерский вид, вид человека, незнакомого с физическим трудом. Залысины, роговые очки, рыхловатое тело округлых очертаний, с небольшим, выступающим из створок распахнутого пиджака животом. Закатать такому разок в лобешник, он и с копыт долой, – снисходительно подумал я. Против человека, которого видел впервые, я, разумеется, ничего не имел. Я вообще был парнем мирным и всю сознательную жизнь старался по возможности избегать физического рода конфликтов. Но последнее время, примерно с полгода, любого незнакомца первым делом оценивал на физические возможности, это происходило как-то само собой, автоматически. Возможно, потому, что после недавнего сближения с Виталем, который учился в параллельном классе и считался одним из первых драчунов в школе, пришлось поучаствовать с ним в нескольких уличных переделках – он просто не способен был жить без приключений.

Прошло около полуминуты, а начальник кадров все молчал. Он даже не взглянул на меня, изучая разложенные на столе бумаги. Слышалось только его пыхтение – кажется, он страдал одышкой или у него был заложен нос.

Я негромко покашлял.

– Что у вас?

Он, наконец, соизволил поднять голову и посмотреть на меня.

– Я это... ну, на работу к вам устраиваться.

– И на какую работу вы бы хотели устроиться?

– Я... насчет меня звонили. Ну, должны были позвонить. Вчера. Валентин Семенович.

– А-а-а... – Это прозвучало разочарованно. Начальник снял очки, посмотрел на стекла, словно решая, стоит ли их протереть, потом опять водрузил очки на нос и опять уставился на меня. – Вы тот молодой человек, которому в армию скоро, кажется.

– Через полгода.

– Вообще-то мы заинтересованы в специалистах, которые настроены работать у нас постоянно и...

– Неужели вы совсем ничего не можете мне предложить?

– Ну почему же. Предложить я, конечно, могу. К примеру, нам требуются токари и ученики токарей. Это, как вы понимаете, долговременная работа.

– Подождите, – сказал я, – не может быть, чтобы на большом производстве не нашлось чего-нибудь такого... ну, грузчики там, или...

– Может, вам все-таки стоило бы попробовать поработать учеником токаря? – вяло сказал начальник. – Присмотреться к профессии, пощупать все своими руками... Ученики у нас получают около ста рублей. Потом, сдав на разряд, станете зарабатывать больше. Возможно, вам бы понравилось и вы после армии... Кстати, вы, кажется, и живете неподалеку?

– Ну да.

– Вот видите. Вернетесь из армии и продолжите. Токари пятого разряда у нас вполне прилично зарабатывают. К тому же, вы сможете встать в очередь на квартиру, если, конечно, вы к тому времени...

– Спасибо, – сказал я и вздохнул. Этот разговор меня тяготил. По учреждениям я ходил редко и исключительно по необходимости, стараясь по возможности всего этого избегать, ну, за исключением таких случаев, как получение паспорта или поход в военкомат по повестке, к примеру. Поэтому опыта общения со всяческого рода чиновниками у меня было мало и я чувствовал себя не в своей тарелке... Я вздохнул еще раз и сказал: – После армии будет видно. На данный момент мне не до выбора профессии и всего такого. Это все слишком серьезно, тут думать надо. Сейчас мне бы просто денег заработать. Родители в командировке, вернутся не раньше чем недели через две, а я уже все растранижил. Понимаете, даже пожрать купить не на что. Ну, то есть, поесть. Извините.

– Подождите. Так вы хотите устроиться на две недели, до приезда родителей?

– Да нет, что вы. На все полгода, пока не призовут. Про две недели, это я так сказал, просто. Для прояснения ситуации как бы.

– Ладно, – сказал начальник и по его тону я понял, что уговаривали меня по обязанности, не особенно надеясь на результат. – У вас со здоровьем все в порядке?

– Абсолютно.

– Тогда можно попробовать определить вас на склад, отгружать готовую продукцию. Будете зарабатывать примерно сто восемьдесят рублей в месяц. Устраивает?

– Вполне, – сказал я и вздохнул уже с облегчением. Пустопорожние переговоры остались позади и теперь, как я понимал, должна была последовать конкретика.

Так и оказалось.

– Хорошо, – сказал начальник. – Сейчас я перечислю справки, которые вам потребуются при оформлении. Будете записывать или запомните?

– Запомню.

Перечислив документы, начальник сказал:

– А зовут меня Павел Аркадьевич.

– Рад знакомству, – машинально сказал я и только потом подумал с сомнением, стоило ли говорить подобное в деловом учреждении. И добавил: – Если поликлинику сегодня пройду, все эти справки будут у меня к завтрашнему дню.

– Отлично. Подходите в это же время, – сказал Павел Аркадьевич и опять уткнулся в свои бумаги. Я встал. – До завтра, – сказал он, не глядя на меня.

Небольшое белое радио на подоконнике тихо выдавало очередную песню. «Прощай, на всех вокзалах поезда уходят в дальние края-а-а», – пел Лев Лещенко.

Документы начальник отдела кадров просмотрел быстро, но внимательно, как настоящий профессионал.

– Все в порядке. Сейчас оформлю вас должным образом и объясню, как пройти на рабочее место, в ремонтно-механический цех.

Несколько секунд я сидел молча, разглядывая портрет Брежнева за спиной кадровика, потом вдруг до меня дошло.

– Пойдите. Мы же договорились, что я буду работать на складе.

Начальник прекратил заполнять какой-то бланк, поднял голову.

– Это ненадолго. Буквально на неделю, не больше. Ситуация так сложилась, у них сейчас катастрофическая нехватка рабочих рук. Лето, народ в отпусках.

– Но... – Я нахмурился, пытаюсь подобрать аргументы. В принципе, ничего страшного, неделю можно отработать и в ремонтно-механическом. Другое дело, как бы это временное в итоге не превратилось в постоянное. – Я ведь и не умею ничего такого.

– Ничего такого от вас и не потребуется, – сказал кадровик. Он не вернулся к заполнению бланка, продолжая смотреть на меня, и я понял, что если сейчас откажусь, могу вообще пролететь с работой. – Поработаете на подхвате. Что такое наждачный станок, знаете?

– Знаю, конечно.

– Помочь сварщику способны? Ну, пока он варит, придержать детали, к примеру. – Я выразительно фыркнул. – На сверлильном станке работали?

– Ясное дело. У меня по труду всегда пятерка стояла.

– Ну и все тогда, – сказал кадровик. – Так что, продолжаем оформлять?

Я вздохнул.

– Продолжаем...

Я стал смотреть в пыльное окно за спиной начальника. Крашеная белым решетка на окне, с его внешней стороны, была стандартной для подобных кабинетов – четвертинка солнца в нижнем углу с расходящимися от нее лучами, а сквозь них мне в глаза били лучи настоящие. В одном из лучей пронизывающего кабинет солнца барражировали блестящие пылинки.

Лев Лещенко пел из радио на подоконнике: «Прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января-а-а»...

Кадровик покончил с бланком, сделал какую-то запись в толстенном журнале, отдал мне паспорт, потом раскрыл пустую папку, чтобы положить в нее заполненные на меня бумаги, взял медицинскую справку и...

И тут что-то началось. Я не понял, что это, но почувствовал, что все вдруг изменилось. Воздух стал каким-то... Хотя нет, воздух оставался прежним. В окно по-прежнему светило солнце. За окном по-прежнему тарахтел старенький движок стоящей возле отдела кадров грузовой автомашины – я проходил мимо нее минут двадцать назад. В общем, вроде ничего не изменилось, но все стало как-то не так. Мое тело стало каким-то не таким, или мне это показалось. Потом все звуки стали совсем-совсем тихими или и это мне показалось. Потом все вокруг раздвоилось и через мгновение опять обрело резкость. Потом...

Потом начальник поднял голову, стал смотреть на меня, и мне почему-то стало жутко. В правой руке он продолжал держать медицинскую справку. Левой он, не отрывая от меня взгляда, выдвинул ящик стола и что-то достал оттуда. Раздался металлический щелчок, я сместил взгляд и увидел, что это выкидной нож с примерно десятисантиметровым лезвием.

Лев Лещенко проникновенно продолжал: «И ничего не говори, а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асматри-и-и-и»...

Начальник вскочил. Его ощерившиеся зубы отчетливо скрипнули, а за спиной с деревянным стуком упал стул. Он не глядя высвободил плечи и скинул пиджак на пол.

– Что, баклан, допрыгался?

Я вскочил и попятился, чувствуя, что кто-то из нас сошел с ума, потому что того, что происходило, происходить не могло.

– Деньжат, значит, решил по легкому срубить...

Я молча сглотнул. Кадровик медленно поднял руку и несколько секунд смотрел на мою медицинскую справку, словно не понимая, что это такое и как оно оказалось у него в руке. Затем резким движением проткнул эту справку ножом точно по центру и не глядя отбросил ее в сторону.

– Павел Аркадьевич...

Я сам не ожидал, что вспомню его имя и отчество, которые забыл еще вчера, не более чем через минуту после того, как они были произнесены. Я смотрел на плавно кружащуюся бумагу и мне казалось, что она падает бесконечно долго, как в замедленной съемке.

– Сейчас я вырежу тебе аппендикс, босота...

«Лай-ла, ла-ла-ла ла-ла-ла ла-ла-а-а, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла-а-а-а», – начал припев Лещенко.

Опершись освободившейся ладонью о стол, кадровик мощно оттолкнулся ногами и перемахнул его как профессиональный спортсмен, с одним-единственным касанием. Его рыхлое доселе тело уже не было таковым. Конечно, оно оставалось все таким же округлым, но теперь это не была безвольная жировая масса – при каждом резком движении ткань рубашки кадровика громко трещала, распираемая налившимися стальными мышцами.

– Павел Аркадьевич...

Он замер на несколько секунд, а я, не отрывая от него глаз и медленно, сантиметр за сантиметром отступая, вдруг уперся спиной в стену.

Кадровик тоже смотрел на меня и тяжело дышал, потом неожиданно перебросил нож из левой руки в правую. Он сделал это не глядя, очень точно, нож ударился о ладонь и остался там, словно приклеившись, а потом Павел Аркадьевич стал быстро перебрасывать нож из руки в руку, вращать его поочередно каждой кистью, делая это и так, и сяк – он подбрасывал, ловил, опять подбрасывал, опять ловил, опять перебрасывал из руки в руку, делая все так ловко и непринужденно, словно тренировался всю жизнь, а я смотрел на его фокусы не отрываясь, не смея моргнуть. Такое я видел только в фильме про головорезов из французского легиона, мы с пацанами ходили смотреть его раз пять, в основном как раз из-за этой сцены и нескольких подобных. Но у кадровика все получалось куда ловчее, чем в кино. Еще я обратил внимание, что очки кадровика куда-то подевались – наверное, в какой-то момент упали на пол, – но он прекрасно обходился без своих линз. Возможно, передо мной стоял зомби или что-то вроде того.

– Молись, с-с-сука...

Он сделал ко мне два шажка, сократив расстояние примерно до трех метров, и я уже буквально вжался спиной в стену. Шажки были мягкими, такие называют кошачьими, и такими еще подступают к жертве уверенные в своей силе звери.

– Павел Аркадьевич!

Я не узнал свой голос. Он прозвучал пискляво, сдавленно, вообще по-дурацки. Так в моем дворе не пищали даже мелкие девчонки в песочнице, с подобными интонациями разве что блеяли овцы.

– Что, поиграем?

Он сделал еще один мелкий шажок, одновременно выбросив вперед правую руку, но, ясное дело, все это было только для того, чтобы попугать, потому что расстояние между нами было пока великовато. Я непроизвольно дернулся. Через долю секунды последовал быстрый

переброс ножа в левую руку – еще шажок, еще выпад, лезвие в очередной раз ослепительно сверкнуло на солнце...

Я чувствовал, что давно покрылся испариной – весь, с головы до пяток. С ножом на меня нападали впервые. Конечно, переделки, в которые мы несколько раз за последнее время попадали с пацанами под предводительством Виталя, не прошли для меня даром, на улице я чувствовал себя довольно уверенно, но все же нож – это было чересчур. Я реально испугался. А если уж быть совсем точным – конкретно перессал. А главное, того, что сейчас происходило, на самом деле попросту не могло быть. Не могло быть, потому что быть не могло, и это усиливало мандраж и ощущение нереальности до крайности. Но ведь все это было...

– Павел Аркадьевич! Я просто пришел устроиться на работу!

Опять переброс, еще раз, еще, расстояние сократилось уже до двух метров, а кадровик, упруго качаясь из стороны в сторону, как делают специально обученные бойцы специальных ведомств, чтобы в них не попала пуля, все топтался передо мной, выписывая полукруги, явно выбирая момент для решающего броска – это было видно по его сужившимся и холодным, как у змеи, глазам.

Я уже уверился, что мне настал конец, когда произошли еще кое-какие изменения. Меня внезапно одолела такая ярость, что количество испарины удвоилось. И это уже не была прежняя испарина труса, это была испарина зверя, такого, каким вдруг стал этот чертов кадровик или кто он там на самом деле – вампир, зомби, или просто сумасшедший, или...

– Значит, пожрать, говоришь, не на что...

Он прыгнул на меня, как рапирист, выбросив вперед руку с ножом, но я молниеносно отскочил в сторону и замер, набираясь решимости на рывок к стулу. Зло скалясь, кадровик повернулся за мной, как ракета с головкой самонаведения. Судя по взгляду, его ничуть не удивила моя неожиданная проворность, он просто воспринял это как данность и, возможно, произвел в голове какие-то поправки, учитывая изменившиеся обстоятельства.

– Куда, с-с-сука! – Конечно, как профессионал он сразу просек, что я решил пробиться к столу. Это было трудно, почти невозможно, потому что мне предстояло обогнуть адскую боевую машину, в которую превратился кадровик. С другой стороны, я чувствовал, что появившиеся во мне сила и ярость столь велики, что наши шансы уравнились. – Стоять, с-с-сказал!

Дальше я сделал нечто невообразимое и неожиданное для меня самого. Я резко присел, уперся руками в пол и совершил несколько круговых движений ногами, пронося их под поочередно поднимаемыми руками, как это делают гимнасты на коне. На втором махе я сумел сшибить не успевшего подпрыгнуть кадровика, но он вскочил, едва коснувшись пола, словно мячик, оттолкнувшийся от земли, тут же бросился на меня сверху, но я тоже сумел среагировать, перекатился всем телом, и его нож, пробив линолеум, с треском вонзился в дерево пола. Мы вскочили одновременно и бросились в одну сторону – я к стулу, а он ко мне, причем нож по-прежнему был в его руке.

В следующем раунде никто не имел явного преимущества – я размахивал стулом и ему приходилось уклоняться, а мне приходилось уклоняться от ножа, которым размахивал он. С того момента как рассосалась моя растерянность, я четко контролировал процесс, в том числе и течение времени, и ясно осознавал, что схватка продолжалась не более пары минут. Лев Лещенко даже не успел допеть свою песню.

«Ты помнишь, плыли в вышине-е-е, и вдруг погасли две звезды»...

– Ты не жалец, с-с-сука...

– Ни хрена... сам сдохнешь первым, падла...

За все время никто не смог нанести сопернику результативного удара. Я ловко избегал ножа, а кадровик не менее ловко увертывался от стула. Я хладнокровно справлялся с порывом запустить его в кадровика, понимая, что, если промахнусь, второй раз он меня к моему увесистому оружию не подпустит.

В какой-то момент полноценным участником процесса стал стол – мы прыгали на него, с него и через него, как мушкетеры в кино, используя его как укрытие, трамплин или вышку для прыжков вниз. В какой-то момент мы оказались по разные стороны стола, он на своем рабочем месте, я на месте посетителя, и тут...

Я очнулся. То есть, так мне почему-то подумалось, что я очнулся. На самом деле я просто вдруг оказался в каком-то месте, и пришлось доли секунды вспоминать, что это за место и почему я здесь. Кажется, так бывает с эпилептиками; рассказ одного такого мне как-то довелось слышать. Парень говорил, что несколько раз очухивался на асфальте, вокруг толпился народ с испуганными лицами, а он чувствовал слабость и не мог понять, что произошло. Объяснениям, что он неожиданно упал и забился в конвульсиях, парень не верил.

Но я точно не падал, я был уверен в этом. Просто, наверное, на секунду потерял над собой контроль. И наверняка виной тому чертова жара. Точно, как-то раз в детстве мне довелось испытать подобное ощущение, когда мне напекло голову на пляже.

Я обнаружил, что стою перед столом кадровика и зачем-то держу стул. Сам кадровик возился где-то за своим столом, его не было видно, только слышалось частое тяжелое дыхание. Я быстро, пока он не заметил, поставил свой стул, присел и попытался изобразить невозмутимость, хотя пребывал в изрядной растерянности. И она усилилась, когда я ощутил, что и сам дышу как паровоз и почему-то весь мокрый от пота. И еще, оказывается, у меня на боку лопнула рубашка и отлетела пара верхних пуговиц, а я не заметил этого, когда выходил из дома. Интересно, заметил ли это кадровик? Черт, неудобно как-то получилось. Еще подумает, что я припелся сюда после грандиозной попойки.

– Очки, кажется, упали... – пробормотал начальник, выпрямляясь.

Он выглядел слегка растерянным и избегал смотреть мне в глаза. Я заметил, что у него разошелся шов левой брючины под самой ширинкой, а мокрая насквозь рубашка сзади вылезла из штанов, но ничего не сказал, конечно. Мне показалось неудобным указывать ему на это.

«Но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты...», – пропел Лев Лещенко.

Кадровик аккуратно поставил стул на место, присел и какое-то время, опустив голову, смотрел в стол, словно вспоминая что-то или пытаясь что-то сообразить. В течение двух десятков секунд мы сидели, стараясь скрыть друг от друга тяжелое дыхание, потом кадровик поднял голову.

– Жарко... – сипло сказал он.

Я поколебался, стоит ли что-то отвечать, потом коротко сказал:

– Да.

– Открою-ка я окно.

Он с кряхтением поднялся, повернулся ко мне задом и я увидел, что его штаны разошлись и сзади. Точнехонько по центральному шву. И опять я постеснялся ему об этом сказать.

Он открыл форточку и стук грузового движка с улицы стал громче. Кадровик постоял секунд десять, глядя в окно, затем вернулся на место и сказал:

– Значит, договорились. Сначала отработаете в ремонтно-механическом. Недолго, около недели.

– Да.

Кадровик принялся складывать всевозможные бумаги, которые почему-то оказались беспорядочно разбросанными по столу, словно по кабинету прошел ураган, затем спросил:

– Где справка из поликлиники?

Я пожал плечами. Затем заметил краешек белеющей под столом бумаги и наклонился.

– Вот она.

– Ага. Наверное, сдуло сквозняком. – Он принял у меня медицинскую справку и нахмурился. – А это еще что такое?

Я увидел прорезь ровно по центру бланка и опять пожал плечами.

– Ну, знаете, – недовольно сказал начальник кадров, а я спохватился, что не запомнил его имени-отчества. Ну да ладно, можно просто обращаться к нему на «вы», этого вполне достаточно. – С документами так обращаться не принято. Другой на моем месте отправил бы вас за новой справкой. Хотя бы для того, чтобы приучить вас к аккуратности.

Он спрятал медицинскую бумагу в папку с моими документами, побарабанил по столешнице пальцами, как человек, собирающийся с мыслями, а я вдруг заметил на его столе раскрытый нож. Это был отличнейший нож с выкидным лезвием и стильной пластмассовой рукояткой – белые пластины, чередующиеся с черными.

Кадровик перехватил мой взгляд, посмотрел на нож и сказал:

– Да, кстати. Специально достал этот нож, чтобы вам показать. Не вздумайте, работая в ремонтно-механическом цеху, пробовать изготавливать подобные штуки. Такие ножи относятся к холодному оружию, и изготовление или ношение таких предметов является нарушением закона... Этот был отобран у одного рабочего, как раз из ремонтно-механического. С тех пор держу его здесь, чтобы предупреждать устраивающихся туда работать.

– Да я и не умею такие штуковины делать, – сказал я, даже не скрывая сожаления. И с этим сожалением проводил замечательный нож взглядом – кадровик сложил его и спрятал в выдвижной ящик стола.

Затем он достал из того же ящика флакончик и небольшую кисточку. Смазав клеем принесенную мной фотографию размером три на четыре, он аккуратно пристроил ее на временном пропуске из серого картона, сильно прижал и разгладил большим пальцем.

– Значит, так, – сказал кадровик, поставив штамп и продвигая пропуск ко мне, – сейчас через проходную, затем прямо, вдоль длинного трехэтажного здания. Это ткацкий. За ним направо и через полсотни метров утыкаетесь в ремонтно-механический. Двухэтажный, из белого кирпича. Он там такой один, не ошибетесь. Поднимаетесь на второй этаж, находите кабинет начальника цеха, представляетесь. Дальше начальник вам все объяснит. Насчет нового работника я ему уже позвонил.

Несколько секунд я еще сидел, выжидая, вдруг мне скажут что-то еще. Потом встал, сунул пропуск в нагрудный карман. При этом старался держаться к кадровику левым боком, чтобы он не заметил разошедшейся по шву рубашки.

– Спасибо, – сказал я и вышел из кабинета.

Тетка в стеклянной будке внутри просторной проходной кивнула. Я опять спрятал пропуск в карман, миновал вертушку и оказался на территории фабрики. Сориентироваться не представляло сложности – кадровик достаточно ясно все описал.

Я двинулся по асфальтовой пешеходной дорожке вдоль трехэтажного цеха, из которого доносился мощный гул машин и частый железный стук. Наверное, это бились об ограничители ткацкие челноки или что-то в этом роде. Вокруг было пусто, только вдалеке навстречу друг другу ехали два автопогрузчика. Кажется, на фабрике была строгая дисциплина и просто так никто не болтался.

Из высоких дверей цеха на дорожку вышли две тетки в синих рабочих халатах ниже колена и цветастых косынках, и пошли передо мной. На меня они взглянули мельком и сразу отвернулись, очевидно я не вызвал у них интереса. Они у меня, впрочем, тоже. Теткам было лет по тридцать с хвостиком, но не в возрасте было дело, потому что мне нравились всякие, лишь бы симпатичные. Просто эти были какие-то бесформенные, одинаково приземистые, а ноги обеих походили на тумбы. Ступни той, что слева, украшали синие мужские носки.

Меня заинтересовала их обувь, поэтому я прибавил ходу, вглядываясь во что-то коричневое, похожее на кеды. Возможно, это так и называлось, только кеды были своеобразными: коричневая тряпичная основа без резиновых частей – на носках и сзади – с обычными, как и полагается у кедов, шнурками.

Тетка слева, в носках, похоже, засекла мое приближение. Она быстро обернулась, потом продолжила болтать с подругой. Направлялись они, по всей видимости, к двухэтажному зданию метрах в тридцати – кажется, это была столовая.

Нам оставалось пройти еще с десяток метров вдоль длиннющего, аккуратно подстриженного прямоугольного куста, высотой по пояс, после чего наши пути, очевидно, расходились. И тут вдруг что-то началось... Я не понял, что это, но почувствовал, что все изменилось. Воздух стал каким-то... Хотя нет, воздух оставался прежним. Да нет, ничего вроде не изменилось, только все стало как-то не так. Мое тело тоже стало каким-то не таким или мне это показалось. Оно словно очутилось в какой-то поглотившей или пронизавшей его среде. Потом все вокруг раздвоилось и через мгновение опять обрело резкость. А потом...

Потом тетка в носках обернулась и толкнула подругу локтем. Обе остановились и развернулись ко мне. Я тоже остановился и застыл метрах в трех от них. Мы молча смотрели друг на друга около десятка секунд, потом тетки переглянулись и растянули губы в улыбках.

– Что-то я тебя здесь не видела, – сказала та, что была в носках. – Светк, а ничего малец, а?

– А то! – сказала вторая и они громко заржали.

Я заметил, что у обеих были дурные зубы. У Светки отсутствовали два верхних передних, у подруги вместо одного верхнего переднего был темный обломок, а два, по бокам, тоже были темными, больными.

– Че, застеснялся? – спросила эта, в носках. – Светк, а покажем ему чего?

Я стоял, не понимая, что происходит. В голове что-то стучало, совсем как эти предполагаемые челноки в ткацком цеху, не так часто, но увесистее.

– Смотри, че у меня есть! – сказала Светка. Не отрывая от меня взгляда, она извернулась тазом в три четверти оборота, задрала халат и показала мне большущий зад с большими светлыми трусами. Когда-то белые, они потемнели от стирок, сильно вылиняли, а по центру, ближе к промежности, выделялось светлое желтое пятно. – Во, видал такую штуку? – Она дважды, со звонким сочным звуком шлепнула широкой ладонью себя по заднице, отчего та пошла быстрыми жидкими волнами, и загоготала. Ее задница и ляжки были в многочисленных бугорках и впадинках, как это бывает у женщин.

– А такое вот видал? – заходясь гоготом, сказала вторая, в носках. Она распахнула верх халата и вывалила наружу огромные груди в тоже застиранном, когда-то белом, лифчике.

Внезапно мой столбняк прошел – так же резко, как и возник. В пару скачков я преодолел разделяющие нас метры и выписал по оголенной заднице такого пинка, что эта дура едва не упала, а вторая, в носках, не потрудившись спрятать свое вислое молочное хозяйство, кинулась на меня как орлица, мазнула нестриженными когтями по щеке и вцепилась в волосы с такой силой, что, когда я мотнул головой, в ее скрюченных пальцах остался изрядный клоч.

Как ни странно, боли я не почувствовал. То есть совершенно не почувствовал, без малейшего преувеличения – просто не почувствовал и все. Испытал только безумную злость, сопровождающуюся шумом в голове. Я выписал пинка и этой, в носках, потом опять первой, потом они кинулись на меня разом, а я так же разом оттолкнул обеих двумя руками, а потом принялся гнать прекративших ржать теток увесистыми пинками и толчками, под треск расползающихся по швам халатов, невзирая на яростные попытки этих дебилок оказать сопротивление...

Я очнулся. То есть, так мне показалось. Просто я вдруг обнаружил себя на пешеходной дорожке, запыхавшимся, мокрым от пота, бредущим за двумя тетками в изодранных синих халатах, а что было минутой раньше, вылетело из головы. Кажется, такое ощущение испытывают эпилептики, я смутно помнил, что слышал от кого-то об этом. Да и сам, вроде, едва не получил когда-то солнечный удар – кажется, тогда я испытал похожие ощущения.

На миг меня все это испугало, но я тут же вспомнил, что только что сдал кадровику справку о состоянии своего здоровья, которое было признано врачами поликлиники по месту

моего жительства вполне удовлетворяющим существующие медицинские нормы. Единственное, что не поддавалось объяснению, это тяжелое хриплое дыхание, словно я только что проделал труднейшую физическую работу. Впрочем, дыхание уже успокаивалось.

Две тетki передо мной почти синхронно оглянулись, скользнули по мне равнодушными взглядами, затем та, что слева, в синих носках, заметила:

– У тебя кровь на щеке, парень.

Обе, кстати, тоже были изрядно запыхавшимися. Наверное, из-за жары.

Я прижал к правой щеке ладонь, ощутил что-то липкое и пожалел, что за целый месяц так и не удосужился постирать носовые платки – чистых в доме не осталось и последнюю неделю я ходил без платка.

– Спасибо...

Я хотел обратить внимание теток на то, что у обеих изодрались халаты, но они уже свернули к двухэтажному зданию, кажется, это была столовая. Поплевав на ладонь, я протер щеку, но, похоже, только размазал неизвестно откуда взявшуюся кровь. Черт с ним, в цеху должна быть вода, надо только постараться привести себя в порядок до появления перед очами начальника.

– Подожди, – сказал начальник цеха. Таковым оказался долговязый мужик лет тридцати с небольшим, в очках и темном костюме. – Тебе точно не дали направление?

Я пожал плечами, кивнул. Потом, поскольку пауза затянулась, подтвердил на всякий случай голосом:

– Ну да, не дали.

– Ну, Аркадьич... Чем он там только думает.

Начальник вышел из-за стола, сделал ко мне шаг, протянул руку:

– Смирнов Иван Сергеевич... Ладно, в конце концов, не дальний свет, тут всего пять минут ходьбы. Сходишь, раз уж так получилось. Формальность, конечно, но...

– Конечно.

Он отпустил мою руку и я поплелся к выходу.

Я опять поднялся по ступенькам, опять столкнулся в дверях с очередным работягой в робе и посторонился, давая ему выйти. Это был уже другой парень. Я обернулся, посмотрел ему вслед, и вдруг обомлел, увидев в боку его спецовки прорезь, из которой текла кровь.

– Слышь... – тихо позвал я, но он не отреагировал.

Медленно спустившись, он побрел к проходной, а я на ватных ногах спустился за ним. Сердце часто билось, а в голове перемешались все мысли. Я хотел позвать парня еще раз, но не стал этого делать. Просто подумал: а что я ему скажу? Словно он сам не знает, что у него идет кровь. И раз не просит помощи, значит, в ней не нуждается.

Около минуты я стоял возле крыльца и смотрел ему вслед, пока парень не добрел до проходной и не скрылся за дверью. На улице было пустынно. Предприятие находилось на отшибе и здесь почти никогда не было людей. Я знал, что за фабрикой был небольшой поселок, но народ из него, чтобы попасть к общественному транспорту, пользовался другой дорогой, а на этой, пролегающей мимо проходной и отдела кадров, можно было встретить только девчонок с фабрики, живших неподалеку в общежитии, и случайных редких прохожих.

Я развернулся и потащился на второй этаж, размышляя, что бы все это значило. Хотя, какая разница. К примеру, зацепился парень за гвоздь и сейчас заскочит в фабричный медпункт, только и всего. Ничего страшного.

По лестнице тянулся кровавый след, который продолжался в коридоре и вел к кабинету начальника отдела кадров. Внезапно из соседнего кабинета выпорхнула девица лет двадцати,

в юбке «мини», красивая, в черных «лодочках» на высоких каблуках. Она стрельнула в меня подведенными глазками, потом опустила взгляд и негромко вскрикнула:

– О, господи... опять кровь.

Я стоял и смотрел на ее ноги, потому что они было гораздо интересней, чем разбрызганная по коридору кровь, которую я уже видел. Она подняла голову, перехватила мой взгляд и нахмурилась, изображая недовольство, оттого что я ее разглядываю.

– Это не вы поранились?

– Да я только что вошел, – сказал я и опять непроизвольно перевел взгляд вниз.

– Ну-ну, – буркнула девица. Она задрала подбородок и, покачивая бедрами, быстро пошла к лестнице, а я стоял и рассматривал ее, пока она не скрылась за углом.

Потом постучал и секунд десять выжидал, приблизив ухо к двери. Ответа не последовало и я потянул за дверную ручку.

По радио опять крутили Лещенко.

«Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края-а»...

– Можно?

Начальник отдела кадров возился где-то под столом, кажется, искал что-то туда закатившееся. Стул для посетителей, на котором я недавно сидел, был почему-то опрокинут. Я прошел по кабинету, поднял стул, и тут кадровик разогнулся. В руке он держал шариковую ручку.

«Прощай, мы расстаемся навсегда, под белым небом января»...

– А, это опять вы... – Голос прозвучал устало. Он уселся на свое место, ткнул пальцем в дужку очков на переносице, затем принялся поправлять лежащие на столе папки, которые почему-то были в беспорядке. – Вы что-то забыли?

– Вы не дали мне направление в цех, – сообщил я.

– А-а-а... точно, – кадровик хлопнул себя по лбу, – моя вина, признаю. Ну да ничего, – он уже рылся среди папок, наверное, разыскивая заведенную на меня, а я только сейчас заметил, что пол в кабинете тоже забрызган кровью, а в центре даже натекла небольшая лужица, – вы человек молодой, здоровый... ну, сходилишний раз туда-обратно...

– У вас в кабинете кровь, – сообщил я, чувствуя, что в желудке слегка похолодело.

– Что вы сказали?

– Тут на полу кровь.

– А-а-а... – кадровик наконец нашел мою папку, вытащил из нее какую-то бумагу, положил передо мной, – да-да, я знаю. Тут только что был молодой человек. Он переводится в другой цех и пришел оформить необходимые документы... Кажется, парень где-то поцарапался. По крайней мере, так он мне сказал. Я предлагал вызвать «скорую», но он отказался, сказал, что ничего страшного. Тогда я посоветовал ему быстрее идти в наш медпункт.

– Да, я его встретил, – сказал я.

Тут кадровик сдвинул на столе какую-то очередную папку, и я увидел тот самый нож, предназначенный для демонстрации работникам, устраивающимся в ремонтно-механический цех. Он опять был раскрыт, и его лезвие было окровавлено. В моем желудке пробежала вторая волна холода. Я посмотрел на кадровика, а тот, видимо озабочившись выражением моего лица, опустил глаза, чтобы рассмотреть, что меня разволновало.

– Черт! – воскликнул он с удивлением. – Так вот обо что он... Ну надо же! Как только он умудрился... Я ведь ему этот нож не давал. Просто достал, чтобы показать... кажется.

Он принялся искать что-то в ящике стола – наверное, тряпку или что-то подобное, чтобы протереть лезвие, а я встал, забрал свое направление и двинулся к выходу со своим холодком в желудке.

«Прощай и ничего не обещай, и ничего не говори; а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асма-атри-и-и»...

В этот день я к работе так и не приступил. Когда я вернулся в цех, оказалось, начальник уехал куда-то по срочному делу, и я не меньше двух часов просидел на скамейке в курилке под лестницей, куда периодически приходили подымить работяги, пока один из них не посоветовал мне идти домой, поскольку уже закончился обед, а начальника все не было. Это, кажется, был мастер, здоровенный парень лет двадцати пяти, в узковатой в мощных плечах спецовке, которую украшали несколько прорезей на груди и дырка с обуглившимися рваными краями в районе живота. Ткань спецовки была в буроватых пятнах, словно ее застирывали от крови. Впрочем, здесь почти все были в подобных спецовках и я не обращал на подобные мелочи внимания, поскольку уже отупел от бесполезного ожидания и урчания в пустом желудке.

И я двинулся домой, голодный и злой, думая, где бы занять хоть немного денег, чтобы купить какой-нибудь жратвы. Кажется, придется попросить пару рублей у Петровича, соседа-пенсионера...

Едва я зашел в квартиру, зазвонил телефон. Виталь сходу обругал меня за то, что я не изволю брать трубку и он вынужден вхолостую трезвонить мне целый день, а потом сообщил, что завтра намечается грандиозное увеселительное мероприятие на садово-огородном участке родителей Серого и моя явка обязательна.

– Не могу, – сказал я без малейшего сожаления, потому что на него попросту не было сил, – мне завтра на работу. Я на «Текстиль» пахать устроился.

И, не слушая возмущенные вопли Виталья, дал отбой.

Я почему-то чувствовал такую усталость, что не пошел бы к телефону, зазвони он чуть позже, не в момент, когда я находился в прихожей. А еще у меня было чувство, что я смог бы сожрать слона.

Я как зомби доковылял до кабинета отца и рухнул на диван.

Виталь не перезвонил. Кажется, на мое счастье, он израсходовал последнюю двухкопеечную монету.

– На неделю? – разочарованно переспросил вчерашний здоровяк из курилки. – Мне вообще-то постоянные работники нужны.

– «Мне», – передразнил его начальник цеха. – А мне, будто, не нужны. На сколько дали, на столько дали, одним словом... – Он посмотрел на наручные часы. – Ладно, объясни молодому человеку, что тут у нас к чему, а мне пора.

Мы стояли у серого верстака, где парень моих лет точил напильником зажатую в тисках железяку, периодически высвобождая ее и замеряя штангенциркулем. Пару раз он поднимал голову, смотрел на меня и опять возвращался к своей болванке. Смотрел он без особого любопытства.

Я еще вчера обратил внимание, что работяги здесь выглядят изрядно заторможенными, слово они месяцами работают без выходных. Пожалуй, только этот здоровяк мастер держался довольно бодро.

Играла музыка. Лев Лещенко пел: «Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края-а; прощай, мы расстаемся навсегда, под белым небом января-а».

– Ладно, на неделю так на неделю, – буркнул здоровяк в спину удаляющемуся начальнику и хлопнул меня по плечу. – Я мастер цеха. Зовут Александр Степанович, фамилия Викентьев. Но ты можешь звать меня Викентьичем, меня тут все так зовут, я привык.

– Александр Кузин, – представился я и поморщился, потому что рука здоровяка теперь сжала мою кисть словно тиски, которые стояли здесь везде, куда ни кинь взгляд.

– Тетка! – обрадовался мастер и хлопнул меня по плечу еще раз, а я еще раз поморщился, потому что удар у него был неслабым, под стать спортивной фигуре. Кажется, этот Викентьич был из породы жизнерадостных непосед, какие, наверное, имеются в каждом коллективе. Да вот хотя бы Виталь был точь-в-точь таким же. – Ну, пойдем, тетка, покажу наше хозяйство.

Он провел меня по проходу, с каждой стороны которого стояло по десятку верстаков с работающими мужиками разных возрастов, толкнул двойные пружинистые створки крашеной серым двери из дерева, с прозрачными плексигласовыми окнами, и мы вышли в еще один зал. Освещен он был, как и все помещения этого цеха, лампами дневного света. Верстаков тут не было, зато стояли всяческие интересные агрегаты. Наждачный станок в отдельном закутке с прозрачными плексигласовыми стенами, ручной пресс, ударная часть которого поднималась и опускалась путем раскручивания большого горизонтального колеса с ручками, сверлильные станки и прочие штуковины для обработки металла. В углу стоял аппарат с газированной водой.

Лев Лещенко настиг нас и здесь: «Прощай, и ничего не обещаю, и ничего не говори; а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асма-а-атри-и»... Похоже, в цеху везде были понатыканы радиоточки, которые никто не слушал. Так, стояли для фона и создания настроения.

– Газировка бесплатная, – сказал мне здоровяк и подмигнул. – Пей сколько влезет, на халяву.

Я натужно улыбнулся из вежливости, а Викентийч выпил залпом стакан и тут же опять нажал кнопку – похоже, на него действовала жара или он был с неслабого бодуна.

Зал был угловым и имел большие двери-ворота с небольшими плексигласовыми окошками, запираемые изнутри на засов. Наверное, через эти ворота и втаскивали сюда когда-то все эти громоздкие железные штуковины. Засов был открыт – похоже, одной створкой ворот пользовались при надобности как дверью, чтобы сократить путь, не ходить по всем этим залам, образующим букву «Г». Я обратил внимание, что из стены возле ворот кусками обвалилась штукатурка, а сами они покрыты свежей серой краской.

Заметив, куда я смотрю, Викентийч, осушивший за минуту стаканов пять, не меньше, засмеялся.

– О, это было что-то! – сказал он и пояснил: – Сюда недавно автопогрузчик со склада готовой продукции врезался. Так долбанул своими вилами, что вынес ворота на хрен, словно тех и не было. Мы их подправили, на всякий случай укрепили металлом, а вот стену пока не залатали, руки не дошли... Хорошо, что не покалечило никого. Здесь постоянно никто не работает, сюда на станки приходят, которые у слесарей и токарей не стоят.

– Пьяный, что ли? – спросил я.

– Водила? – уточнил Викентийч и я кивнул. – Да вроде нет. Водили его потом в медпункт, проверить, ничего такого не обнаружили. Может, просто задремал за рулем.

Викентийч с сожалением расстался со стаканом, провел меня дальше и открыл еще одну двустворчатую дверь, с традиционными для этого цеха плексигласовыми окнами.

– Здесь у нас токари и слесари-инструментальщики, – сообщил он то, что я и сам уже видел.

Этот зал был значительно больше двух первых – скорее, целый залище с высоченными потолками. Тут было около двух десятков токарных и фрезеровочных станков, опять около десятка верстаков, станки сверлильные и еще много чего по мелочи. Наверняка и здесь пел Лещенко, но здесь, похоже, его песню заглушали работающие станки.

Мы пересекли зал, вышли в небольшой коридорчик и оказались перед обычной одностворчатой дверью без окна.

– Сейчас покажу, где кузница, – пояснил Викентийч, открывая эту дверь.

Мы вышли на улицу и подождали, пока по асфальтовой дороге проедет целый поезд из полутора десятка дюралевых тележек, нагруженных рулонами ткани. Вел этот поезд мужик, стоя на небольшом электрическом каре. Мы перешли дорогу и оказались перед одноэтажным строением белого кирпича.

Опять разделенный надвое зал, только теперь узкий, длинный, опять станки. Здесь Лещенко ничто не мешало. «Ты помнишь, плыли в вышине, и вдруг погасли две звезды; но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты»...

– Слева сварщики, справа кузнец, – пояснил мастер, пока я разглядывал агрегаты, их тут было с десяток. Скученно, впритык друг к другу, стояли большой пневматический молот, сваривающий точками электрический аппарат, еще всякие штуковины, отдельно стояла механическая пила, а в углу расположились горн и наковальня с раскаленной полосой металла, по которой стучал большим молотом голый по пояс кряжистый парень лет двадцати семи. В левой части, куда мы заходить не стали, раздавались треск и шипение, и оттуда же тянуло характерным запахом сварки. – В принципе, вот и все наше хозяйство, – сказал Викентийч. – Для беглого знакомства достаточно. Ну так, чтобы не заблудиться. К примеру, если скажут идти в кузницу, уже найдешь. Найдешь ведь?

– Ясное дело, – сказал я. – А сколько здесь всего... ну, всяких цехов.

– Именно цехов или вообще строений?

– Вообще.

– Цехов, кажется, пять, а строений... – мастер замялся, – до хрена, короче. Да и к чему, к примеру, причислить тот же склад готовой продукции. Цех он, или не цех... А почему ты спрашиваешь?

– Да так... – Я пожал плечами. – Просто не подозревал, что тут всего так много. И что территория такая большая.

Викентийч тоже пожал плечами.

– У нас еще и бомбоубежище имеется, и пожарный городок, и библиотека, и небольшой сад, и еще всякое... Ладно, пойдем, выдам тебе робу.

Мы вернулись в токарный цех, он завел меня в каптерку и принялся рыться в длинном стенном шкафу с заваленными всяческим барахлом полками. Еще здесь стояли канцелярский стол, два больших деревянных короба, один из которых был пустым, а второй набит, кажется, испачканными робами, и стеллажи с какими-то ящиками.

– Вот, кажись, твой размер. Ну, плюс-минус.

Я принял чистые, но изрядно потрепанные шмотки. Штаны оказались целыми, а в куртке, в районе груди, было несколько лохматых прорезей и на спине прожжена неровная дыра диаметром сантиметров в десять.

– Чего? – спросил Викентийч, заметив, что я скусился.

– Да ничего.

– Нового тебе не положено, извини. Какой смысл, если ты к нам всего на неделю. Главное, что все чистое. К тому же, твоя новая роба была бы твоей до первой стирки. Понимаешь, здесь перед стиркой бирки не пришивают, как это делают клиенты перед сдачей белья в платную прачечную. У нас в цеху все просто складывается в общую кучу, а кто из чана что выбрал – то и его. Поэтому народ каждую неделю в другом прикиде ходит.

– Да ничего, – повторил я.

– Ботинки дать?

Я подумал секунду. Нового не выделяют, а в чужое обуваться не хотелось, это тебе не спецовка. Ничего, за неделю с моими любимыми импортными кроссовками вряд ли произойдет что-то страшное, если работать аккуратно.

– Не надо.

– Ну, тогда все, – сказал Викентийч. – Сейчас пройдешь инструктаж по технике безопасности, это на втором этаже, возле кабинета начальника цеха, там инспектор сидит, а потом... Потом я тебе скажу, чем заняться. Короче, иди пока, переодевайся, и возвращайся сюда. – И опять спросил: – Чего?

– А это, ну... где раздевалка-то.

Викентийч чертыхнулся.

– Точно, – сказал он, жестом предложив мне двигаться на выход, – про раздевалку-то я и забыл. Тебе ж еще шкафчик свободный надо показать... Иди пока туда, где я тебя принял у начальника, – заперев каптерку, крикнул Викентийч и направился к окликнувшему его мужику, работающему за токарным станком. – А я через минуту подскочу!..

Я стоял в той самой прозрачной с двух сторон угловой плексигласовой комнате, у наждака, и затачивал прутки. Меня не приписали к какой-то из слесарных бригад, которых здесь оказалось две, и я пока не понял, хорошо это или плохо. С одной стороны, то, что мной решили затыкать дыры, означало, что я буду на подхвате у всех и без работы скучать не придется. С другой – никто не будет точно знать, по чьему поручению и где я работаю, поэтому при случае можно будет и сачкануть. Ну, а с третьей стороны все это не имело никакого значения, поскольку отработать здесь мне предстояло всего одну неделю. За неделю не уработаюсь, даже если бы меня вздумали нагружать по полной программе, не давая толком перекурить.

Задание бригадира Александра Николаевича, долговязого сутулого мужика лет сорока, было простым как три рубля. Я получил прозрачные очки, без которых согласно правилам техники безопасности на наждачном станке работать было нельзя, сто увесистых стальных прутков, примерно сорока сантиметров длиной и около двух сантиметров толщины, и должен был у каждого заточить один конец в четырехгранный конус. Прутки в массе оказались слишком тяжелыми, хотя в ящике визуальными таковыми не казались, и я перетаскал их к наждаку в несколько заходов. Зачем эти прутки нужны, я не спросил, поскольку меня это несколько не интересовало. Может, их будут втыкать в бетонную верхушку какого-нибудь строящегося забора, чтобы сделать его неприступным, а может, такие прутки зачем-то были нужны в ткацком цеху.

Я просто стоял и точил. Работа не была сложной, ее мог делать любой, мало-мальски имеющий руки, зато она была нудной, однообразной. Ну да, наверное именно такими работами мне и предстояло заниматься тут неделю, все логично. Не поручат же случайному работнику что-то ответственное.

Периодически я поднимал голову и поглядывал в большое окно, с которым нас разделял станок. К сожалению девицы массово тут не ходили, наверное, этот участок возле механического цеха не являлся частью оживленного пути от какого-нибудь, к примеру, ткацкого цеха в столовую. Кстати, насчет столовой... Я опять чувствовал зверский голод, потому что плохо позавтракал. Мне вчера удалось перехватить у соседа три рубля, но они моментально закончились, потому что все ушло на колбасу, хлеб и масло, которые я в тот же вечер сожрал почти подчистую. Ясное дело, надо было купить, к примеру, ту же картошку или макароны с дешевыми рыбными консервами. Кстати, подсолнечное масло для поджаривания картошки как раз было, и если бы я не ленился готовить, этой трешки могло бы хватить на несколько дней.

Когда я отрывал прут от наждачного круга, становилось тише, и Лев Лещенко пел из небольшого радио на настенной полочке: «Прощай, среди снегов среди зимы, никто нам лето не вернет... прощай, вернуть назад не можем мы, в июльских звездах небосвод»...

Интересно, кстати, как часто тут разрешается курить. Я посмотрел на наручные часы и выяснил, что работаю уже где-то сорок минут и за это время успел заточить прутков пятнадцать, которые складывал во второй ящик. Ну вот сейчас, допустим, пойду и сяду в курилке. Это не будет слишком наглым? Через сколько тут полагается делать перекуры?

Так я и думал обо всем и ни о чем, пока не увидел проезжающий вдалеке автопогрузчик. Насколько я уже ориентировался на территории, он ехал со стороны первого ткацкого цеха к складу готовой продукции, где сейчас работал бы и я, не засунь меня кадровик к ремонтникам. Кстати, интересно, не этот ли погрузчик долбанулся недавно в ворота рядом с моей прозрачной камеркой.

Я бросил в ящик готовый прут, наклонился к другому, чтобы достать очередной, и вдруг...

«Прощай и ничего не обещаю, и ничего не говори; а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асма-а-атри-и-и»...

И вдруг что-то началось. Я не понял, что это, только почувствовал, что все изменилось. Воздух стал каким-то... Хотя нет, воздух остался тем же. В окно все так же светило солнце. Да, ничего, кажется, не изменилось, но все стало как-то по-другому. Мое тело стало чужим, или мне это казалось. Потом все звуки ненадолго исчезли и тут же опять обрели силу. Потом все вокруг раздвоилось и через секунду опять стало как прежде. Потом...

Потом погрузчик совершил резкий поворот и помчался к нашему цеху. Наверное, он собирался проехать между цехом и кузницей, там, где я недавно видел поезд с рулонами ткани – после экскурсии Викентьича я уже неплохо представлял, где тут что. Но вместо того чтобы принять влево, автопогрузчик сделал прямо противоположное. Он вильнул направо, добавил скорости, и из моих рук едва не выпал прут – чертова машина на всех парах мчалась на мою каморку и явно не собиралась сворачивать!

Я рванул к выходу из наждачной комнатухи, но остановился. Несмотря на панику, у меня хватило ума сообразить, что так я ужоу прямехонько под погрузчик, а в каморке, под прикрытием толстенной стены, я как раз в безопасности. Дверь наждачной под прямым углом выходила к воротам, и когда эта махина опять их пробьет... Я метнулся обратно, обогнул наждак, чтобы посмотреть в окно, но засек только стремительно промелькнувшую тень, а через долю секунды раздался треск ломаемых досок и цех потряс такой силы удар, что со стены отвалился здоровенный кусок штукатурки, а плафон с двумя лампами дневного света сорвался с потолка и повис, мигая и раскачиваясь на проводе. Это равномерное мигание словно привело меня в чувство. Я решил выбраться из наждачной, чтобы оценить произошедшие разрушения.

Дверь приоткрылась только до половины – дальше она уперлась в огромные железные вилы. Кругом воцарилась тишина. Я выскользнул наружу и стоял, подобно парализованному, случайно попавшему под бомбежку гражданскому, пока до меня медленно доходило, что ошибки не было, произошло именно то, о чем я подумал. Погрузчик вилами пробил ворота, но из-за своих габаритов не вписался в проем. Он попросту долбанулся всей своей машиной в проем в толстенной стене цеха и застрял.

В следующий миг я сквозь заложившую уши вату услышал смутно знакомый скрежещущий звук и не сразу сообразил, что это заработал стартер. Кажется, водила пытался запустить заглохший двигатель. А еще через миг все кругом оживо. Все наполнилось звуками, пришло в движение, словно цех находился в телевизоре и кто-то нажал кнопку включения, чтобы досмотреть интересный сериал.

Внутренние ворота, ведущие к токарям, распахнулись и шибанулись о стены, одновременно с таким же грохотом разлетелись дверные створки слесарей, и с двух сторон в пустой зал со станками повалил возбужденный народ. Ни один не прибежал пустым, в руках каждого было что-то увесистое.

– Чего стоишь! – рявкнул ворвавшийся первым Викентьич. Он в несколько неровных скачков преодолел разделяющее нас расстояние и оказался рядом.

– А... чего я должен... – ничего не понимая, промямлил я.

– Сколько прутков успел наточить? – все так же громко проорал Викентьич едва ли не мне в ухо, и не успел я не только ответить, но даже осмыслить вопрос, как он заорал теперь на набежавших за ним работаг: – А вы чего рты раскрыли! Он же уйдет сейчас!

Погрузчик наконец завелся. Взревел движок и цех опять несколько раз трянуло – железная махина пыталась высвободиться из плена путем движения туда-сюда, враскачку. Опять поднялась бетонная пыль.

– Быстрей, кому говорят!

Я понял, к кому он обращается, когда два мужика в светло-зеленых брезентовых робах подкатили к нам тележку с баллонами и каким-то тяжелым аппаратом. Я догадался, что это сварщики со своим оборудованием. Еще два мужика быстро протащили мимо меня увесистый кусок швеллера или чего-то в этом роде, и уже пытались пристроить его таким образом, чтобы он оказался перпендикулярно вилам и при этом доставал до чего-нибудь железного. По-крайней мере я так понял. И понял, оказывается, правильно, потому что один из сварщиков запустил аппарат, который уже подключил к сети кто-то из мужиков, натянул маску и принялся быстро тыкать электродом в швеллер. Раздался треск, посыпались искры, и бригадир слесарей-ремонтников, суровый долговязый мужик с растрепанными волосами, закричал, пританцовывая от возбуждения на месте:

– Правую сначала прихватывай, правую! Да вари, тебе говорят!

Второй сварщик уже зажег ацетиленовую горелку и примеривался шипящим синим огнем к левому рогу всюю рычащего и дергающегося погрузчика.

– Че-е-ерт! – простонал Викентийч, когда машина с треском выдрала вилы, которые так и не успели надежно прихватить, и, натужно ревя мотором, отскочила на несколько метров назад. Швеллер брякнулся на пол. – Сколько наточил, спрашиваю?

Я опять не сразу понял, кому адресован вопрос. А когда понял, быстро метнулся в наждачную и с легкостью подхватил ящик с прутками, который час назад был для меня неподъемным. Сообразив, что ошибся, я бросил его на пол и под звон раскатывающихся железяк схватил второй, с прутками заточенными.

– Штук пятнадцать – двадцать!

Все происходило в каком-то невероятно убыстренном темпе или мне так казалось, но в моих глазах натурально мельтешило, а в голове бил пневматический молот, который я видел в кузнице. Работяги суетились словно муравьи, а я никак не мог понять, что все это мне напоминает, пока до меня не дошло – подобное я видел в фильмах про оборону средневековых крепостей. Создавалось впечатление, что происходящее никому не в диковинку, что каждый четко знает свой маневр.

Погрузчик задним ходом с ревом унесся восвояси. Мне показалось, у него что-то случилось с колесами, потому что он здорово вилял, словно за рулем сидел пьяный. Сварщики разложили на искореженном входе баллоны с ацетиленом и кислородом и, судя по решительному виду, с которым они соединяли шланги, оборудование готовилось ими к подрыву. Остальные натащили в зал всякой железной всячины в виде инструментов и тяжеленных, грозного вида штуковин, и я понял, что цех готовится к нешуточному бою. Каждый занял определенное место, словно все заранее договорились, кому какой участок защищать, и на какое-то время наступило относительное затишье, если не считать коротких деловых реплик. У работяг были суровые сосредоточенные лица, какие обычно бывают на плакатах у нарисованных строителей коммунизма.

– Бегут! – внезапно заорал волосатый парень с длинным шнобелем, занявший место наблюдателя у окна в наждачной комнате. – Сейчас начнется!

– Опять ворон ловишь... – прошипел Викентийч, не глядя на меня. Присев, он тревожно вглядывался в образовавшийся в воротах пролом. – Тащи заточенные прутки и будь готов кидать их, когда начнется.

– В кого кидать... – сглотнув, спросил я, тоже присел и увидел, что со стороны склада готовой продукции в нашу сторону бежит толпа из человек примерно двадцати, каждый из которых держал какое-нибудь оружие. Точнее, в прямом смысле слова оружием это не являлось. Это были палки, стальные арматурины и прочие, обычные для производств штукотины, но было ясно, что использовать их будут не совсем по назначению. В руках некоторых блестели ножи, а плотный мужик с небольшой аккуратной бородкой, бежавший в числе первых, пристроил на крепком плече самое настоящее копьё, состоящее из увесистого древка и примотан-

ного к нему изолентой длинного остроконечного тесака. Мне показалось, что копье сделано из древка для флага, какие обычно носят на первомайских демонстрациях. Большинство бегущих прикрывались самодельными щитами из фанеры или стальных листов.

– Раскрой глаза, – сказал Викентийч напряженно. – Вон в тех уродов кидать, среди которых мог бы сейчас быть и ты, если бы Аркадьич из отдела кадров...

Договорить он не успел. В пролом нырнул тот самый мужик с копьем, кто-то из слесарей тут же с неприятным хрустом раскроил ему голову тяжелой металлической болванкой, и бедолага упал, не успев и пикнуть, разбрызгивая по бетону пола какую-то серую массу. А через десяток секунд до меня дошло, что это мозги. И это не вызвало у меня особенных эмоций, кроме радости маленькой победы над врагом и ярости, оттого что какие-то уроды нагло посягнули на наш цех.

Атака тут же захлебнулась, потому что дураков лезть в пролом больше не нашлось. Разгоряченная толпа затормозила на входе. Послышались злобные выкрики. Работяги со склада крыли кого-то матом, и я понял, что ругают они водителя погрузчика, который медлит с оказанием им поддержки тяжелой бронированной техникой.

– Нашел время колесами заниматься! – зло проорал чей-то хриплый голос, и такой же злой голос ответил:

– А что, если шина лопнула! Как он тебе без шины!

Тут же, словно в ответ на их перепалку, вдалеке послышался уже знакомый мне рев. И с такой же знакомой стремительностью этот рев стал нарастать, приближаясь к нашему цеху, а наблюдатель возле окна знакомо проорал:

– Сейчас начнется!

Едва он выкрикнул это, тяжеленная разогнавшаяся масса долбанула в ворота так, что они с оглушительным треском вылетели с косяком напроцъ, придавив пару не успевших отскочить работяг, а автопогрузчик, выломав и обрушив часть стены, смел приготовленные для подрыва баллоны и размазал о стену еще двух подвернувшихся мужиков. В следующий миг механический таран проскочил мимо меня и едва успевшего отпрянуть Викентийча, опрокинул сверлильный станок, ударился вилами в стену токарного зала, подпрыгнул и опять заглох. Теперь, судя по всему, уже окончательно.

Все пространство в очередной раз заполнилось бетонной пылью.

– Бей складских! – заорал сзади кто-то, и я узнал по голосу неизвестно в какой момент появившегося начальника цеха. Оборачиваться, чтобы проверить, так ли это, времени не было. Да и незачем это было делать.

Все разом заорали, так, что у меня опять заложило уши, и так же разом бросились навстречу уже ворвавшимся в цех складским. Завязалась ожесточенная рубка. Лево́й рукой я прижимал к себе целую охапку своих прутков, а правой хватал их по одному, широко размахиваясь и изо всех сил бросал в наседающую неприятельскую массу, колол, если кто-то оказывался близко, опять бросал... Удачное попадание произошло на седьмом или восьмом броске. Стремительно крутящийся в воздухе пруток угодил острым концом точнехонько в глаз примерно сорокалетнему мужику в обожженной спецовке, дерущемуся с рыхлым токарем на ножах, насквозь пробил прищельцу голову и вышел острием со стороны затылка. Мужик упал от удара, затем вскочил и, яростно ревя, принялся выдергивать пруток из черепа, но его тут же шарахнули сзади раскрученной на цепи чугунной заготовкой, хрустнул позвоночник, он опять упал и пополз в сторону ручного пресса, надеясь найти там укрытие.

Удивительным образом я пока не получил никаких повреждений, хотя воздух был густо наполнен пролетающими во всех направлениях железными предметами самых разных весов и конфигураций.

– Поднажали! – заорал Викентийч, предчувствуя скорую победу. Действительно, складских оставалось уже совсем мало, большинство потеряло боеспособность по причине перело-

мов конечностей, хребтов и размозжений голов. Одного из слесарей пришлое пытались запихнуть под пресс, чтобы сплющить парня в блин, но он не пролазил под ударную головку по габаритам, а потом к нему на выручку пришли три токаря, и сразу двое складских упали с проломленными черепами. – Еще чуток и они наши!

Повинуясь жесту крепыша из кузницы, я вцепился в примерно полутораметровый швеллер, и мы вдвоем с короткого разбега пригвоздили этим швеллером к стене тощего парня в кепке с длинным козырьком.

«Лай-ла, ла-ла-ла ла-ла-ла ла-ла-а-а, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла-а-а-а», – воспользовавшись неожиданно воцарившейся на десяток секунд тишиной, принялись подпевать Лещенко девицы из бэк-вокала.

Не успели мы порадоваться своей маленькой победе, как здоровенный мужик с расплюснутым в блин лицом схватил за вентиль один из сварочных баллонов, и двумя широкими взмахами переломал кости сразу двум нашим, а потом кинул баллон в прыгнувшего на него третьего. Тот отлетел, упал, перекувыркнулся назад, и двое складских, приподняв аппарат газированной воды, размазали парня по полу, расплющив ему грудную клетку.

В какой-то момент я увидел непонятную картину. Один из наших, щуплый мужичок лет тридцати пяти с неприметной внешностью, забежал в наждачную комнату, где я недавно работал, достал из кармана спецовки листок бумаги, пристроил его на наждачной станке и принялся быстро что-то писать обломком карандаша. Видно было, что мужичка распирает от ярости, ему хочется вернуться в гущу схватки, но он усилием воли заставляет себя заниматься непонятной писаниной. Кончилось все через десяток секунд. Сдавшись, он задрал лицо к потолку, словно собирался завывать на раскачивающийся на проводах плафон с лампами дневного света, мигающими, подобно огням маяка, ровно и коротко, и зарычал так громко, что я сумел услышать его отчаянный рев сквозь шум продолжающейся битвы. Затем он скомкал листок, отбросил его не глядя куда-то за наждак и побегал обратно, в гущу боя, на бегу наклонившись и подхватив один из моих рассыпанных по полу прутков.

Кузнеца тем временем саданули сзади саблей, сделанной из остро заточенного полотна механической пилы с обмотанной изолентой рукоятью, и он осел на пол с аккуратно разделенной на две половинки головой.

Все кругом было скользким от крови, многие не могли продолжать бой из-за травм, но даже не имея физической возможности подняться, упорно тянулись израненными конечностями, пытаясь зацепить кого-нибудь, чтобы вырвать ему сухожилия или хотя бы сбить на землю, а потом дотянуться до шеи врага изломанными пальцами.

– Загоняй его в угол! – через пару минут хрипло выкрикнул Викентийч, и я вдруг обнаружил, что из всего цеха мы остались одни. Все наши, кто принимал участие в схватке, были мертвы, по крайней мере, никто не шевелился. Зато мы с мастером каким-то чудом оставались совершенно невредимыми. Ну, относительно невредимыми. Я чувствовал, что у меня вывихнуто плечо, голова, кажется, была пробита в районе затылка, имелись еще какие-то повреждения, но по сравнению с тем, что досталось нашим товарищам, это были пустяки. – Заходи слева!

Я наконец понял, о чем и о ком он говорит. Из складских остался последний. Парень, с раздробленными кистями рук, у которого непонятно как до сих пор удерживались на носу заляпанные кровяными брызгами очки, пытался отползти за сверлильный станок. Похоже, у него были перебиты предплечья и сломан позвоночник, потому что полз он, будучи неестественно прямым и неловко опираясь на локти.

Я недобро ощерился и зашел слева, выискивая взглядом что-нибудь, чем можно было бы размозжить этому подонку голову, а еще лучше перерубить его пополам, и тут резко подскочивший Викентийч прикончил его вырванными из верстака тисками, с силой опустив их на

пытающегося улизнуть врага сверху вниз и попав точно в район поясницы. Раздался короткий хруст, изо рта очкарика бурным потоком хлынула и тут же остановилась кровь.

– Все. Кончено...

Около минуты мы стояли с Викентьичем неподвижно, глядя на затихшего очкаря и выжидая, пока придет в норму дыхание, затем одновременно подняли головы, переглянулись.

– Что дальше? – каркнул я хрипло и с трудом поверил, что это мой голос.

– Убираться будем, вот что, – помолчав, сказал Викентьич. – А то завтра начальник по головке не погладит. Смотри, что эти суки тут нам устроили...

Действительно, все, что здесь можно было выдрать, было выдрано с корнем. Все что можно было разбить – разбито. Все что можно изодрать – изодрано. И только стекла в окнах непостижимым образом оставались целы, за исключением двух – трех. Возможно, потому, что находились слишком высоко. Мертвяки валялись так плотно, что нельзя было сделать и шагу, чтобы на кого-нибудь не наступить. По моим прикидкам, в довольно тесном пространстве между всяческими агрегатами и застывшим возле стены токарного зала погрузчиком полегло около сорока человек.

– Да вон же он... – поискав глазами, сказал я и кивнул на начальника цеха, повисшего на сверлильном станке. Его замочили почти сразу, еще в самом начале рубки, насквозь проткнув чем-то острым. Сейчас он висел, нанизанный на состоящую из трех металлических рогов с пластмассовыми набалдашниками крутящуюся ручку, которой опускают и поднимают сверло, напоминая наколотого на булавку жука.

– Ах, да... – скользнув по нему взглядом, равнодушно сказал Викентьич. – Ивана Сергеевича же сразу пришили, я и забыл совсем... Но все равно, хоть какой-то порядок навести надо. Да и рабочее время, между прочим, еще не закончилось.

Я посмотрел на наручные часы, стекло которых раскололось точно надвое и одной половинки не хватало, и обнаружил, что они идут. И до окончания рабочего дня действительно оставалось еще два часа. Выходило, что схватка заняла не больше десяти – пятнадцати минут.

– Давай хоть покурим, – предложил я.

– Это можно, – согласился Викентьич, и мы, покрутив головами, просто присели на одного из складских, оказавшегося поближе. Это был лежащий на боку долговязый лысоватый мужчина с распоротым брюхом, из которого бело-красным месивом вылезла кишечная масса.

– Смотри, – сказал я, затаившись.

Викентьич посмотрел сквозь пустой проем, где когда-то стояли ворота, и хмыкнул, увидев метрах в ста группу понуро бредущих баб. Их было около тридцати, многие едва-едва ковыляли, некоторые поддерживали друг дружку. Халаты большинства были окровавлены, а от многих остались одни синие лоскуты.

– Похоже, ткачихи цех на цех махались, – сказал он и выпустил густой клуб дыма. – Ладно, хорош курить, давай прибираться... Первым делом надо выгнать погрузчик. Короче, я попробую его завести, а ты поищи пока тележку.

– А как... ну, как его выгонишь, если тут... – Я кивнул на скопище тел.

Викентьич отмахнулся.

– Да прямо по ним и поеду, – сказал он, вставая, – чего им теперь сделается.

С десятков секунд я стоял неподвижно, наблюдая, как забравшийся в кабину автопогрузчика Викентьич пытается оживить движок. Потом запоздало кивнул и побрел на улицу, вспоминая, где совсем недавно видел тележку с рулонами ткани...

Минут через десять мы с Викентьичем забрасывали в дюралевую тележку дохлых работников, первым делом выбирая наших и располагая их поперек движения, между двумя высокими рамами. Уместилось семь человек. Их ноги и руки свешивались, но движению помешать были не должны.

– Куда их? – спросил я, пытаюсь унять тяжелое от физической нагрузки дыхание.

Викентьич постоял, прикидывая. Он тоже тяжело и хрипло дышал, а лоб был блестящим от пота.

– Давай в кузницу.

– Почему в кузницу?

– А что ты предлагаешь?

Я пожал плечами.

– Может, сообщить в милицию?

Мастер опять задумался.

– Успеется, – наконец сказал он. – Сначала наведем порядок, потом будем думать, что дальше... Все. Покатили.

– Покатили...

Мы вцепились в дюралевую раму, плотно уперлись ногами в пол и, поднажав, кое-как стронули тележку с места. Вес оказался порядочным. Толкать было трудно, но вполне осуществимо, только сильно скользили ноги.

– Ничего, – прохрипел Викентьич, – на улице крови нет, там нормально пойдет. Давай, поднажали еще...

Вышло семь рейсов, и в итоге тесноватое для такого количества трупов пространство в кузнице, между входом и горном, оказалось заваленным на высоту половины человеческого роста. Тела никак не хотели аккуратно штабелироваться, норовили расползтись по всем щелям, и к концу укладки студнеобразная масса заполонила собой все пространство между станками.

– Перекур, – объявил Викентьич и мы стали пробираться к специальной скамейке для отдыха возле остывшего горна, чтобы хоть пяток минут посидеть по-человечески.

Для этого пришлось забраться на груды и топтать прямо по телам, которым теперь действительно было уже все равно.

«Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края... прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января», – негромко пел Лещенко из пластмассовой коробочки радио на шкафчике кузнеца. Тот валялся сейчас между аппаратом точечной сварки и пневматическим молотом, поверх переломанного очкастого токаря.

– Хорошая песня, – сказал Викентьич.

– Угу... – сказал я.

Около минуты мы сидели молча, расслабленные, с наслаждением откинувшись спинами на стенку, обитую в этом месте мягким.

– Тяжеленные, – сказал я.

– А то, – сказал Викентьич.

– Может, складских надо было отдельно? – сказал я.

– Да ладно, – сказал Викентьич.

Мы опять на минуту замолчали, наслаждаясь отдыхом.

Потом я осторожно пощупал затылок. Мне все время казалось, что что-то там не так. Палец ощутил провал, словно в черепе образовалась дырка, а в провале было что-то мягкое, теплое и слегка влажное, что пружинило под нажимом подушечки большого пальца. Вокруг провала загустела кровь.

– Чего? – спросил Викентьич, заметив, что я ковыряюсь в голове.

– Да так, – сказал я.

Мы посидели еще минуту.

– Пошли, – сказал Викентьич и щелчком отправил окурочек в горн.

Мы двинулись через токарный зал, а когда почти дошли до места, я решил:

– Слушай... ты не мог бы дать взаймы. Я бы с аванса вернул.

– Сколько тебе?

– Да пятерки бы, наверное, хватило. Жратвы какой прикупить, а то дома совсем пусто.

– Ладно, идем ко мне. – Мы с Викентьичем прошли в угол, к конторке, где он выдавал мне рубли. – Черт, – сказал он, порывшись в ящике стола, – вот только что есть. – Он помахаивал двадцатипятирублевой бумажкой. Потом опять пошарил в ящике, но нашел еще только железный рубль. – Ладно, держи. Двадцатку завтра принесешь, когда разменяешь. А пятерку с аванса отдашь.

– Конечно, – сказал я...

Около двух часов мы копошились в цеху, приводя все хоть в какой-то порядок, и в итоге вышло довольно неплохо. Такого свинства, как сразу после махаловки, уже не было. Нам даже удалось вернуть на место аппарат газированной воды. Единственное, что мы не смогли сделать – это поставить ворота и поправить слишком тяжелые для двух человек махины покосившихся станков.

В самом конце Викентьич приволок длинный кусок черного резинового шланга, подсоединил его к специальному разьему проходящей по стене цеха трубы, открыл вентиль и около десятка минут поливал бетонный пол, напором холодной воды выгоняя не успевшую свернуться кровь на улицу, в створ ворот.

– Все, окончена смена, – наконец сказал Викентьич, выключая воду. Стало тихо и я услышал доносящийся из наждачной комнатухи голос Лещенко: «Прощай и ничего не обещай, и ничего не говори; а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асма-а-атрии-и»... Викентьич не стал уносить шланг, просто свернул его кольцами и бросил возле прессы. – Пусть лежит. Завтра с утра пройдемся еще разок, начисто.

– Пройдемся, – сказал я.

– В душ пойдешь? – спросил Викентьич. – У нас есть. Возле раздевалки.

– У меня полотенца нет.

– Ничего, я тебе какую-нибудь чистую тряпку найду.

– Тогда можно, – сказал я.

– Ну, двинули.

– Чего? – спросил я, заметив, что Викентьич не торопится уходить, все оглядывается на зияющий в стене проем.

– Да ворота, мать их... – с досадой пробормотал он. – Негоже цех открытым оставлять... Но вдвоем не управимся, точно. – Он почесал затылок. – Ладно, как есть, так есть. Пошли...

Я очнулся. Ну, по крайней мере, так мне показалось. Просто я вдруг оказался в каком-то месте и не сразу сообразил, что это за место и почему я здесь. Подобные ощущения, вроде, испытывают эпилептики, где-то я это слышал. Кто-то говорил, что такой может очнуться на асфальте, увидеть столпившийся вокруг народ с любопытными и испуганными лицами, и лежать, не понимая, что произошло и почему он валяется на улице.

Я стоял в дверях раздевалки с мокрыми волосами, чувствуя запредельную усталость и одновременно свежесть в теле, как бывает после тяжелой физической работы и последующего душа, и смотрел на запирающего шкафчик мастера. Походило на то, что я переоделся первым и ждал его.

Викентьич вдруг замер на несколько секунд, словно потерял ориентацию в пространстве или пытался что-то сообразить, потом повернул голову, посмотрел на меня и неуверенно подмигнул. Мне показалось, что вышло у него слегка неестественно, как бывает, когда человек не знает, что сказать или сделать.

– Замком не обзавелся? – спросил Викентьич и теперь мне показалось, что он только что это у меня спрашивал. Только я не был в этом стопроцентно уверен.

– Нет пока. Поищу дома.

– Купи, если не найдешь, – сказал Викентьич и двинулся в мою сторону, – все равно понадобится. Хоть здесь, хоть на складе, коль ты на полгода на фабрику устроился.

– Ну да, – сказал я, а Викентийч остановился возле зеркала и поправил рукой волосы. Я заметил, что они у него тоже мокрые.

Я ощупал затылок. Мне вдруг показалось, что там что-то не так. Пальцы ощутили, что небольшой участок черепа как будто лысый, с выдранными волосами. Кожа на этом участке зудела, как бывает, если заживает рана. И еще это место, кажется, слегка кровоточило. Хотя, возможно, я плохо вытер голову и это была просто вода.

– Чего? – спросил Викентийч.

– Да так, – сказал я и опустил руку.

– Что-то мы припозднились, – сказал Викентийч и опять мне показалось, что мастера словно заботит что-то. – Все разбежались, а мы...

Я посмотрел на наручные часы и обнаружил, что у них отлетела половинка стекла, а когда они разбились, я даже не заметил. И еще у меня было ощущение, что я не жрал сто лет и сейчас мог бы сожрать слона со всеми его потрохами.

– Ну так смена-то час назад кончилась.

– Ага, – сказал Викентийч, а я, поколебавшись, спросил:

– Слушай... ты не мог бы дать взаймы. Я бы с аванса вернул.

– Сколько тебе?

– Да пятерки бы, наверное, хватило. Жратвы какой прикупить, а то дома совсем пусто.

Викентийч порылся в карманах, но нашел только железный рубль.

– Слушай, – сказал он, – у меня в конторке есть, но не возвращаться же в цех. Давай завтра, а? Что-то я здорово устал.

– Конечно, – сказал я, – давай завтра.

– Продержишься?

– Конечно, – сказал я.

– На вот тебе рубль пока. Хоть булочек каких купишь.

– Спасибо, – сказал я. – Мне только до аванса...

Я заскочил в магазин недалеко от дома, прошелся по почти пустому залу, выискивая что-нибудь дешевое, и остановился в мясном отделе перед плексигласовой витриной, внутри которой сиротливо лежала на белом пластмассовом подносе полупрозрачная масса, внутри которой просматривались всяческие шкурки, неаппетитные на вид твердые кусочки чего-то непонятного, жилы и что-то еще. Кажется, эта штукавина была разновидностью холодца и называлась зельцем. Я знал, что такой из-за его дешевизны брали на закуску алкоголики, и еще наш сосед Петрович покупал зельц для своего песика, дворняги по кличке Боцман. Наверное, я пришел слишком поздно, все приличное разобрали днем.

Я пялился на этот зельц и с каждой секундой он казался мне все вкуснее и вкуснее, хотя я никогда его не пробовал. Слышал только, что есть его можно исключительно с голодухи, за неимением чего-то лучшего. Но, по крайней мере, одно в нем было хорошо совершенно точно – цена. Холодец стоил меньше рубля за кило.

– А из чего он? – спросил я сидящую на стуле дородную продавщицу лет тридцати пяти. В белом халате, она листала журнал «Огонек», наверное, досиживая смену. Края халата разошлись и с моего места видны были бока ее толстенных ляжек, усеянных бугорками и впадинками.

– Субпродукты, – коротко сказала она, не поднимая головы.

– А что это, субпродукты, – зачем-то спросил я, хотя все равно твердо решил взять эту штукавину на весь рубль, тем более что ничего другого в продаже не было. Разве что надо было бы еще оставить копеек хотя бы на полбуханки черного хлеба.

– Ухо-горло-нос, сиська-писька-хвост, вот что, – насмешливо сказал кто-то за спиной, и я, обернувшись, увидел седоволосого старика в светлой, в мелкую клетку, рубашке.

Кажется, он ожидал развития разговора или решил подразнить продавщицу, но мне было не до шуток. Я чувствовал, что мог бы умять такого зельца весь этот шмат, что лежал на подносе, сколько бы он ни весил.

– Мне килограмм, – сказал я, запуская руку в задний карман джинсов, и внезапно помимо железного рубля нащупал там бумажку. Достав двадцать пять рублей, я недоверчиво смотрел на них около десятка секунд, затем сказал грузно поднявшейся со стула продавщице: – Нет, лучше на все, пожалуйста.

Она тоже смотрела на выложенную мной бумажку не менее десятка секунд, потом перевела взгляд на меня и уточнила:

– На все?

– Да.

– Зельца осталась одна упаковка, – после паузы сказала она. – И еще то, что вы видите на прилавке.

Старик, отошедший на пару метров, притормозил, развернулся и стал с интересом следить за неожиданным развитием событий.

– А сколько это всего будет? – спросил я.

– В упаковке десять кило и тут около четырех.

– Дайте, сколько есть, – попросил я и женщина удалилась в подсобные помещения.

– Куда тебе столько, – с любопытством спросил старик.

– Для песика, – неохотно сказал я, хотя сначала хотел его вопрос проигнорировать.

– А-а-а... – сказал старик.

– А завтра зельц еще будет? – спросил я вернувшуюся продавщицу.

– Утром должны привезти.

Она с натугой приподняла двумя руками картонную коробку и шмякнула ее на прилавок. Затем внимательно на меня посмотрела и полезла в витрину. Старик стоял метрах в пяти и пялился на меня во все глаза.

Из магазина я вышел, неся в одной руке десятикилограммовую картонную коробку, пережатую узкими пластмассовыми лентами, и увесистый, перевязанный веревочкой сверток в другой. Про хлеб я, конечно, забыл. По дороге еще некоторое время размышлял, откуда у меня столько денег, а потом подумал – да какая разница. Надо только будет завтра первым делом отдать Викентьичу рубль, потому что теперь у меня был полный карман выданной монетами сдачи, около десяти рублей.

– Молодой человек!

Я обернулся. На пороге магазина стояла тетушка в синем платье, с увесистой кошелкой в руке, которую я минуту назад видел в кондитерском отделе.

– Вам, наверное, нужна помощь... Я могу позвонить в «скорую».

– А-а-а... что за помощь...

– У вас, кажется, пробита голова.

Я машинально поднял руку, почувствовал в ней тяжесть и поставил картонную упаковку на асфальт. Несколько прохожих остановились, принялись глазеть на происходящее. Освободившейся рукой я осторожно ощупал голову и обнаружил на затылке что-то, по ощущениям похожее на запекающуюся кровь. Но ничего не болело и все волосы были на месте. А если бы у меня была пробита голова, то волос бы не было.

Тетушка все стояла на пороге, глядя на меня испуганно. Я посмотрел на любопытных зевак, потом опять перевел взгляд на нее и пожал плечами.

– Наверное, просто налипло что-то.

Потом подхватил коробку и двинулся восвояси. А пройдя с десяток метров, запоздало подумал, что тетушку следовало бы поблагодарить за заботу. Я не оборачивался, но спиной чувствовал, что она и прохожие пялятся мне вслед...

Впрочем, хлеб оказался без надобности. Я порезал кусок с витрины на такие части, чтобы они пролезали в рот, уселся за кухонный стол и принялся поглощать зельц, показавшийся мне просто невероятно вкусным, шмат за шматом, пока не сожрал половину четырехкилограммового куска. Потом разогрел чайник, выпил два стакана горячей воды, потом покурил и сожрал еще около килограмма зельца. И только тогда, наконец, почувствовал, что голод слегка утолен, да и больше в меня все равно не влезло бы.

Потом вдруг вспомнил про тетку и поплелся в ванную, к зеркалу. Там опять ощущал голову, подумал и сходил за небольшим зеркальцем на тумбочке в прихожей, чтобы с помощью двух отражений рассмотреть себя со всех сторон. В волосах действительно оказалась что-то, похожее на запекшуюся кровь. Сунув голову под душ, под струю прохладной воды, я принялся тереть волосы мочалкой, пока не удалось избавиться от налипшей на них непонятной массы. Разумеется, голова оказалась целой, как я и думал, потому что неприятных ощущений не было. Кажется, я просто случайно где-то испачкался.

Почистив ванную, я побрел в отцовский кабинет. Мне понравилось спать там диване, на его прохладной кожаной поверхности. Перед сном я еще хотел полистать что-нибудь из отцовских секретных бумаг, к примеру, те записи о каком-то генераторе, но почти моментально уснул.

Ночью я несколько раз просыпался и шел на кухню, где зажигал свет и все жрал, жрал, жрал, запивая жирную вкуснятину горячей водой, а потом шел в туалет. А когда зазвонил будильник, первым делом пошел проверить, сколько еще осталось зельца, и обнаружил, что на столе лежит примерно трехкилограммовый кусок. И подумал, что правильно сделал, поленившись запихивать вчерашнюю коробку в холодильник – все равно ничего не успеет пропасть. И что надо будет не забыть купить сегодня хлеба.

На работу я чуток опоздал, но на это никто не обратил внимания. Кажется, в цеху что-то произошло, потому что возбужденный народ сидел в курилке под лестницей. А когда я зашел туда поздороваться, по лестнице быстро спустился начальник цеха.

– Передайте всем, через час собрание, – деловито сказал он и тут же умчался обратно наверх, наверное, в свой кабинет.

Я тоже стал подниматься в раздевалку и тут меня окликнул вышедший от слесарей мастер. Он выглядел бледным и каким-то не выспавшимся.

– Тезка!

Я остановился и свесился через перила.

– Привет, Викентьич.

– Ты сегодня где ночевал?

– Дома, – сказал я после короткой паузы, вызванной неожиданностью вопроса. – А чего?

– Ничего, переодевайся скорей.

Я продолжил подъем в раздевалку и услышал, как он говорит кому-то:

– Вот видишь, и у него все нормально. А ты говоришь, что будто бы все...

– Но я тоже не помню, где ночевал, – сказал кто-то...

Я открыл шкафчик и около полуминуты с недоумением рассматривал свою робу. Она была изодрана и сплошь покрыта похожими на кровь потеками и пятнами, да и запах, шибанувший из шкафчика, тоже напоминал запах крови.

Не решившись переодеваться в перепачканную неизвестно чем одежду, я аккуратно, стараясь не касаться пятен, снял с крючка куртку и штаны, свернул все в рулон и опять пошел вниз.

– Ага, еще один пострадавший, – заметив мой сверток в подмышке, радостно сказал парень с длинным шнобелем и волосами до плеч. – Иди к Викентьичу, он тебе выдаст чистое. Знаешь, где его каптерка?

– Знаю.

Через слесарей я вышел в зал, в котором точил вчера прутки, и обомлел. Ворот не было, сверлильный станок перекосялся, наполовину выданный из своего фундамента, у аппарата газированной воды образовалась внушительная вмятина в левом боку, а пол был заляпан похожей на наспех замытую кровь липкой гадостью, совсем как на моей спецовке. Еще была выбита пара окон, дверь прозрачной будки наждачного станка перекосилась, не хватало куска плексигласовой стены, а плафон в этой будке висел, покачиваясь, на проводе, озаряя пространство короткими равномерными вспышками. Наверное, было еще много чего по мелочи, но и увиденного хватило, чтобы понять – вчера здесь произошло что-то из разряда экстраординарного.

– Привет.

Я кивнул и посторонился, пропуская мужика средних лет, имени которого не знал, и пошел к токарям.

«Прощай, среди снегов среди зимы никто нам лето не вернет; прощай, вернуть назад не можем мы в июльских звездах небосвод», – встретил меня в токарном зале голос Лещенко, которого было хорошо слышно, потому что из двадцати примерно станков работали всего два или три. Мужиков было мало и выглядели они какими-то вялыми. Половина, очевидно, торчала в курилке сразу за дверью в туалет, в его предбаннике.

– Туда бросай, – ничуть не удивившись моему появлению, сказал Викентьич. Он сидел за столом и вид у него был озабоченный. Один за другим он вытягивал ящики стола, смотрел внутрь, иногда что-то там ворошил, задвигал очередной ящик, потом опять выдвигал, опять с раздражением задвигал обратно.

Зайдя мастеру за спину, я заглянул в деревянный короб и увидел, что он почти доверху наполнен грязной рабочей одеждой. Все робы были подобны моей, в разводах подсохшей крови или чем там была эта бурая фигня.

Бросив туда свой сверток, я повернулся к Викентьичу, посмотрел в его напряженную спину.

– А из второго бери, – сказал он, словно у него между лопаток были зрительные рецепторы.

– А-а-а... это, ну...

– Просто поройся и выбери подходящий размер, – сказал Викентьич. Он выругался, с громким стуком задвинул очередной ящик и повернулся ко мне. – Чего?

– Да так... – сказал я, перебирая чистую одежду. – Ты из-за ворот такой злой?

– И из-за ворот тоже, – мрачно сказал Викентьич. Он поднялся, подошел и стал смотреть, как я роюсь в тряпье. – Смирнов на собрании рычать будет, а чего на нас рычать. Рычать на тех надо, кто уже второй раз нам эти ворота высаживает.

– Смирнов – это начальник цеха?

– Ну да. Нормальный мужик.

– Опять погрузчик? – поинтересовался я и, наконец, выудил из чана почти не застиранные штаны из светло-зеленой плотной ткани. – Пьяный, что ли, был? – Я вытянул вперед руки, прикидывая штаны по росту, и счел, что они мне придется в самый раз. – Так ты ж не виноват, чего тебе переживать.

Я перекинул штаны через плечо и стал искать куртку. Вообще-то, мне показалось, что я резко пополнел. Плечи как-то раздалились, а и без того узкие джинсы едва не лопались на заднице. Возможно, это было как-то связано с зельцем.

– Да если б только погрузчик, – сказал Викентьич, продолжая стоять рядом. – Тут все одно к одному... Вон, видишь, полный короб грязи набрался. Только вчера стиранное получил,

так вот на тебе... Это ж теперь опять бумаги нужно заполнять, да еще попробуй, договорись с прачечной, чтоб они там побыстрее, вне очереди.

– А что за ерунда такая творится? Ну, с одеждой, – спросил я, найдя нормальную, почти не пострадавшую куртку. У нее только было несколько сквозных пробоин в районе грудной клетки и оторван правый накладной карман; на его месте было темное прямоугольное пятно. На всякий случай я выбрал куртку пообъемистей, на пару размеров больше, чем старую.

– Так в том-то и дело! – с раздражением сказал Викентийч. – Всем хотелось бы знать, что у нас за шутник такой завелся. Как ворота снесут, так непременно кто-то всю одежду каким-то похожим на кровь дерьмом перепачкает.

– Ну, это не из наших, наверное, – предположил я. – Просто кто-то пользуется, что цех не закрыт.

Викентийч кивнул.

– Все так и думают, – сказал он. – Ночная смена, похоже, развлекается. Может, кто-то из ткацкого, может, еще кто. Только вот как они замки открывать умудряются? Без малейших, заметь, повреждений, как профессиональные медвежатники. А главное, потом же еще закрыть надо.

Я пожал плечами.

– Ну, я пошел?

– Иди, – сказал Викентийч и через секунду бросил мне вслед: – Плюс ко всему у меня еще двадцатипятку скоммуниздили. Прямо отсюда, из конторки, увели.

– Кстати... – я быстро пошарил в левом заднем кармане. – Вот. Спасибо тебе.

– Что, удалось где-то перехватить?

– Удалось.

Викентийч не глядя сунул рубль в нагрудный карман.

– Вот суки.

– А зачем здесь оставлял, – сказал я.

– Зачем, зачем, – буркнул Викентийч. – Заначка это была, вот зачем.

– А-а-а. Чтобы жена не конфисковала?

– Да нет, я не женат. Брат у меня, младший, мастер по карманам шарить. Пива каждый день хочется, а работать религия не позволяет. Так что, если мне надо на что-нибудь отложить, оставляю здесь. Так сохраннее.

– Верующий?

Викентийч отмахнулся.

– Да это я так, фигурально. Верит, что можно жить на халяву... Ничего, через год в армию, там, может, мозги вправят.

– А раньше такое было? – после паузы спросил я.

Викентийч помотал головой.

– А самое главное, я же все время специальные контрольки ставлю. И на дверь, и на ящик стола, где деньги храню. – Викентийч заметил мой недоверчивый взгляд и сказал: – Чего удивляешься... Были раньше случаи. Инструменты дорогие воровали, которые сбыть можно... ну, еще там всякое, по мелочи. Того парня вычислили, его уволили давно, но я на всякий пожарный... Так вот сегодня все контрольки нетронуты, а квартальный все равно исчез.

Я опять пожал плечами. Потом постоял и сказал:

– Ладно.

И вышел.

Цеховое собрание устроили у слесарей-ремонтников, по-свойски, без официоза в виде стульев – работяги, не мудрствуя, просто расселись на верстаках. Я тоже запрыгнул на свобод-

ное место и сидел, прислонившись спиной к прозрачной плексигласовой перегородке между двумя верстаками.

Смирнов стоял метрах в трех от моего места, в дверях, ведущих в покореженный зал с ручным прессом. Ругался он не особо, потому что ругать, получалось, было некого.

– Так мы-то тут при чем, если это складской автопогрузчик дел натворил, – сказал кузнец, выражая общее настроение. Я уже знал, что его прозвали Вакулой, как кузнеца из какой-то книги какого-то классика – Толстого или кого-то вроде него.

– А одежда, – сказал Смирнов. – Рабочую одежду вам тоже складские попортили?

У работяг эта реплика только вызвала раздражение.

– Вот вы бы, Иван Сергеевич, и выяснили, кто этим балуется, – хмуро сказал мужик лет пятидесяти, в очках с треснутыми стеклами и перемотанной черной изолентой дужкой. Он сидел на соседнем, через проход, двойном верстаке, и мне потребовалось податься вперед и повернуть голову, чтобы увидеть его. – Я утром в шкафчик свой полез, так меня чуть наизнанку не вывернуло. Все в каком-то... какой-то... даже не знаю, как это назвать. Кровь, не кровь... Да еще изодрали все в клочья.

Зал загудел.

– Точно! – громко сказал кто-то за моей спиной, но мне уже было лень повернуться, чтобы посмотреть, кто это. Да и незачем.

– И не в первый раз уже такое, – поддакнул еще кто-то сзади.

Видимо, Смирнов, наконец, получил зацепку для небольшого разноса, потому что заметно оживился и повысил голос.

– Кстати, насчет изнанки, – многозначительно сказал он, глядя на очкарика. – А может, наших работников выворачивает совсем по другой причине? – Работяги перестали переговариваться, наступила полная тишина. – Вот взять хотя бы вас, Степан Константинович... Вы при каких обстоятельствах очки повредили? Кажется, вчера они были у вас целы.

– А при чем здесь мои... – мужик машинально снял очки и принялся протирать их несвежим носовым платком, один из уголков которого был перепачкан отработанным машинным маслом.

– А при том. – Начальник прошел пару метров, остановился в проходе между нашими верстаками и повернулся к мужику, встав ко мне спиной. – Сегодня в мой кабинет звонила некая женщина, интересовалась, вышел ли ее муж на работу. Догадываетесь, чья это была жена? – Мужик промолчал. – Жаловалась, что ее супруг не ночевал дома, – сказал Смирнов, – и что она хотела бы знать, где он в данный момент находится... – Не дождавшись ответа, он удовлетворенно хмыкнул и с видом победителя вернулся назад, на свое первоначальное место.

– Да я просто это... ну... – наконец пробормотал покрасневший как бурак мужик и опять нацепил битые очки на нос, а по залу пронеслись негромкие смешки.

– Сдается мне, некоторые просто изволят приходить на работу с похмелья, оттого их и выворачивает по утрам наизнанку, – сказал начальник. Мужик опять раскрыл было рот, но Смирнов остановил его взмахом ладони. – Все, помолчи, Степа... Это многих касается! – повысил он голос и обвел взглядом опять притихших работяг. – Звонила, между прочим, не только жена Васильева... Что, ребятки, опять имела место массовая попойка?

Кто-то сзади начал что-то говорить, но начальник опять вскинул руку.

– Нет, я все понимаю, – сказал он. – Мы тут все люди взрослые, можем говорить откровенно. Ну, решили выпить после смены по сто грамм, ну, скинулись, зашли в магазин... Напиваться-то зачем. Надеюсь, хоть в вытрезвитель попасть никого не угораздило?

Никто не ответил.

– Он, между прочим, сам дома не ночевал, – прошептал сидящий слева от меня мужик с блестящими залысинами другому мужику, по правую мою сторону.

– А ты откуда знаешь? – прошептал тот.

– Да я утром по поводу зарплаты спросить к нему пошел, слышу, он в кабинете по телефону говорит. Ну, я перед дверью постоял, чтобы не мешать, слышал, как он перед женой оправдывается.

Они так и шептались через меня, на меня не обращая внимания. Лысоватый хотел сказать что-то еще, но тут Смирнов посмотрел на него и многозначительно кашлянул.

– Потом расскажу, – шепнул мужик.

– Ладно, давайте решать, как будем приводить все в порядок, – вздохнув, сказал Смирнов.

По-видимому, разносы закончились, не начавшись, и пошло обсуждение рабочих вопросов. Мужики расслабились.

– А чего тут решать, – сказал парень с длинным шнобелем, с верстака сзади моего, через проход. – Пусть складские и ремонтируют. Они ведь уже не первый раз нам такую подляну устраивают.

– Все сказал? – сказал Смирнов. Он погонял челюстные желваки туда-сюда. – Хорошо. Засчитаем эту реплику как шутку... Александр Николаевич?

– Не-е-ет, Сергеич, извини, – сказали сзади и я на сей раз оглянулся, чтобы посмотреть. Это был бригадир, хмурый сорокалетний мужик, который давал мне задание наточить прутки. – Сам прекрасно знаешь, мы до конца смены станок в первом ткацком запустить должны, кровь из носу. Иначе весь их план накроется, а крайними мы окажемся.

– Хорошо... Инструментальщики, – сказал Смирнов.

– А у нас как будто работы меньше, – отозвался тоже сзади второй бригадир, полная противоположность первого – низенький крепыш с тяжелыми надбровными дугами.

Начальник нахмурился.

– В ваше распоряжение поступит дополнительный работник, – подумав секунду, сказал он.

Крепыш скептически хмыкнул и наигранно бодряческим тоном сказал:

– Ну, тогда я спокоен. Считайте, ворота уже стоят.

Многие засмеялись, а я вдруг понял, что речь идет обо мне.

– Ладно, хватит из пустого в порожнее гонять, – подытожил Смирнов. – Будет так, как я сказал. – Он вскинул руку, посмотрел на часы. – Так, кузница... Волков, бросаешь все и помогаешь сегодня слесарям разобраться с воротами. И один из сварщиков – туда же. Викентьев все контролирует... Все, собрание закончено. Вольно, разойдись.

Народ начал разбредаться по курилкам. Ремонтники повалили под лестницу, токаря и инструментальщики пошли к себе, в тамбур перед сортиром. Я подумал и пристроился к первым, потому что с ними пошел Викентьич.

– Нет, все же это полная фигня, – сказал в курилке неприметный мужичок примерно тридцати пяти лет. – Как можно напиться и не помнить, как.

– Да запросто, – сказал кто-то.

– Может, пойло некачественное? – предположил еще кто-то, и я понял, что мужики, наверное, вернулись к теме, которую обсуждали с утра.

– Да чепуха, – сказал мужичок. – Вот скажите. Кто помнит, чтобы мы вчера собирались после смены выпить?

– Никто не помнит, – сказал бригадир. – Говорили уже об этом. Только вот дома из наших никто не ночевал, это тоже факт. И где были, никто вспомнить не может. Очнулись кто в трамвае, кто на улице, кто еще где. Я вот, к примеру, прямо здесь, в раздевалке утром очухался... А как сюда доехал и откуда – напрочь отрезало. Просто стою перед раскрытым шкафчиком с ключом в руке и пытаюсь сообразить – это я уже отпахал смену или только что пришел.

– Может, пойло виновато, – повторил кто-то. – Так врезало по мозгам, что всю память отрубил. Такое бывает.

– А я все помню, – сказал Викентийч и посмотрел на меня. – И дома ночевал.

– И я помню, – сказал я.

Все стали таращиться на меня, а я, смутившись, подался вперед и погасил сигарету о край высокого жестяного сосуда для сигаретных бычков и мусора, типа вазы с раструбом на горлышке.

– Вот так, – сказал Викентийч. – Закончили смену и разошлись. Все как всегда и никакой мистики. Короче, пить меньше надо, вот что я вам скажу.

– Ну-ну, – сказал неприметный мужичок.

– Ладно, пошли пахать, – сказал Викентийч. Он тоже погасил сигарету и встал. – До конца смены ворота должны стоять... Тезка, дуй в кузницу за Вакулой и сварщиком, поторопи их. Скажи, пусть берут инструмент и подтягиваются к воротам.

– Ага, – сказал я.

И поплелся в кузницу, размышляя, понравилось бы мне, если бы меня прозвали Вакулой...

Я стоял в прозрачной с двух сторон плексигласовой комнате, у наждака, и затачивал прутки. За вчерашний день нам удалось навести в угловом зале полный порядок. Мы поставили ворота, выровняли покосившиеся станки, вставили выпавшую прозрачную стену наждачной и сделали еще кучу всяких мелочей. Даже у аппарата газированной воды был отрихтован бок и теперь он нуждался лишь в легкой подкраске, а плафон в наждачной был опять, как положено, закреплен на потолке.

Я прикладывал конец прутка к вертящемуся каменному диску, раздавался скрежет, на меня густым разноцветным потоком летели искры, а я думал, где бы достать денег, чтобы купить зельца. Попробовать, что ли, как-то пробить аванс...

Когда я отодвигал прут, становилось тише и я слышал голос Льва Лещенко. «Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края; прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января»...

Узрев, что мимо нашего цеха идут ткачихи, я обогнул станок и встал перед окном. Их было шестеро, разных возрастов, а симпатичной была всего одна, лет тридцати. Проводив ее взглядом, я развернулся и вдруг увидел белеющую за наждаком скомканную бумажку. Странно. Сам здесь утром подметал, а бумажки не заметил.

Я нагнулся и из любопытства развернул неровный оборванный листок, на котором было что-то накарябано карандашом.

«Полковнику Авдееву... заместителю начальника управления... докладываю, что сегодня... ровно в 13–10 началось очередное воздействие... не имею возможности повлиять... не могу даже дописать, потому что... непреодолимая сила»...

Это все, что удалось мне разобрать, потому что написано все было, словно курица работала лапой. Я опять скомкал найденную бредятину, огляделся, ища, куда бы деть этот дурацкий бумажный клочок, а потом пожал плечами и просто бросил его туда, откуда поднял...

Я как раз обмакивал очередной прут в специальную емкость с водой, закрепленную на наждаке, когда дверь открылась и в наждачку упруго зашел Викентийч.

– Выруби станок! – Я нажал кнопку «Выкл», снял очки и уставился на него вопросительно. – Сколько тебе у нас осталось? – спросил Викентийч, когда стало тихо.

– Пару дней. А что?

– Да планирую кое-какие работы на следующую неделю, поэтому хочу точно знать, на сколько работников могу рассчитывать... А остаться у нас не думаешь?

Я отрицательно покачал головой и спросил:

– Слушай, а через какое время работник получает первые деньги?
– Обычно через две недели.
– А со мной как будет?
– Не понял, – сказал Викентьич.
– Ну, смотри... Я должен отработать тут неделю. Значит, деньги за это время мне начисляют здесь?
– Ну, наверное.
– А потом перевожусь на склад, и там считают отработанное у них, на складе. А что с деньгами, которые я заработал здесь? Тогда же все запутается.
Викентьич пожал плечами.
– В бухгалтерии разберутся.
– Ну а можно как-то попросить аванс до того, как ты его заработал?
– Ну и вопросыки, – сказал Викентьич и почесал затылок. – Не знаю, честно говоря. Просто не сталкивался с таким вариантом. Теоретически, наверное, как-то можно, если экстренные обстоятельства или еще чего.
– Или вот, к примеру, мог бы я получить ровно те деньги, которые заработал за эти дни? Ну, в порядке исключения, даже если там совсем мало.
– А-а-а, – сказал Викентьич, – понял, чего ты паришься. Ты, кажется, говорил, жратву не на что купить. Слушай, я б тебе сам дал, да ты знаешь, стащили мою заначку.
– Ну а все-таки, – спросил я.
– Тебе бы в отдел кадров с этим, – сказал Викентьич. – Там мужик толковый, объяснит. Да и вообще он нормальный, должен, если что, пойти навстречу. Да вот хотя бы прямо сейчас, возьми да сходи.
– А можно? Я вообще-то прутки еще не доточил.
– Ничего. Если что, скажешь бригадиру, что я разрешил. Он не спешил выходить и откровенно меня разглядывал.
– Что-то не так? – спросил я и повертел головой, тоже себя оглядывая.
– Ты в качалку, что ли, ходишь?
– Да нет, вроде. А чего?
– Да ты за эти дни у нас килограммов пять-семь набрал, не меньше.
Я неопределенно дернул плечами и нажал кнопку «Вкл».
– Викентьич, спасибо! – крикнул я, но он, уже на выходе, только отмахнулся, не оборачиваясь.

Я доточил начатый прут и остановил наждак. Хотел помыть руки, но внезапно подумал, что лучше идти так. Пусть кадровик видит, что я реально впахиваю, совсем как Папа Карло, и такому замечательному труженику просто грех не пойти навстречу, не удовлетворив его совсем маленькую и совсем необременительную для фабрики просьбу...

Когда я остановился перед знакомой дверью, из соседнего кабинета вышла черноволосая девица, которую я видел здесь в прошлый раз. Она опять была в короткой юбке, опять виртуозно крутила бедрами, я опять уставился на ее ноги, а она опять заметила это и фыркнула. Затем, всем своим видом изображая недовольство, обошла меня со спины и вышла на лестничную площадку, где на подоконнике, над двухместной серой скамейкой, стояла жестяная пепельница. Я опять провожал красотку взглядом, пока она не скрылась за углом, и был уверен, что она чувствует это.

Затем из этого же кабинета вышла блондинка, тоже на каблуках и симпатичная, но не такая классная, как та, первая. Она скользнула по мне любопытным взглядом, тоже обошла меня со спины и удалилась на лестницу.

Я постучал.

– Войдите, – слышалось из-за двери приглушенно.

Я прошел к столу, поздоровался, и кадровик жестом усадил меня на стул. Он сидел, сосредоточенно изучая какие-то бумаги и, по мере просмотра, делал на них пометки карандашом. А я в это время лихорадочно вспоминал его имя-отчество.

«Прощай, уже вдали встает заря и день приходит в города-а... прощай, под белым небом января мы расстаемся навсегда-а», – пел Лещенко из радио.

Я негромко покашлял и кадровик, все так же не глядя на меня, кивнул.

– Павел Аркадьевич, я к вам вот по какому вопросу...

– Ну, не знаю, – сказал он, выслушав меня. – Вообще-то так не положено. Я вообще впервые сталкиваюсь с такой просьбой.

– Павел Аркадьевич, – сказал я, – мне очень надо, правда.

Кадровик выдвинул из стола ящик, достал из него нож и, с четким щелчком выбросив лезвие, принялся затачивать карандаш.

– Имейте в виду, что бухгалтерия, скорее всего, откажется этим заниматься, – сказал он и я с облегчением перевел дух, потому что полдела было сделано. По крайней мере, за меня замолвят словечко, а уж там как получится.

– Спасибо, – сказал я.

– Но одно могу сказать уже сейчас, совершенно определенно – в восторге от такой просьбы они точно не будут. Хотя попросить, конечно, можно.

– Спасибо, – повторил я.

«Прощай и ничего не обещай, и ничего не говори; а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асма-атри-и-и-и»...

Я еще несколько секунд сидел неподвижно, не зная, уходить или сказать что-то еще, когда вдруг что-то началось. Я не понял, что это, но почувствовал, что все изменилось. Воздух стал каким-то... Или нет, воздух оставался прежним. В окно по-прежнему светило солнце. Даже в его луче, пронзающем кабинет, по-прежнему кружились невесомые пылинки. В общем, ничего как будто не изменилось, но все стало как-то по-другому. Мое тело стало каким-то не таким или мне это показалось. Потом на мгновение наступила полная тишина или мне это показалось. Потом все вокруг раздвоилось и через мгновение опять обрело резкость.

«Лай-ла, ла-ла-ла ла-ла-ла ла-ла-а-а, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла-а-а», – запел Лещенко припев.

Кадровик внезапно вскочил и я увидел, что его глаза налились кровью. В правой руке он держал нож. Я тоже вскочил и попятился.левой кистью он оперся о стол, мощно оттолкнулся ногами и, одним махом перелетев на мою сторону, мягко и почти бесшумно приземлился на пол. В уголках губ кадровика появилась пена, а взгляд затуманился.

– Что, баклан, авансика захотелось?

Я почувствовал, что волосы на моей голове встали дыбом. Кто-то из нас явно сошел с ума, потому что того, что происходило, происходить никак не могло.

– Павел Аркадьевич...

Он замер на несколько секунд, а я, не отрывая от него глаз, медленно, сантиметр за сантиметром, отступал, пока не уперся спиной в стену. Кадровик смотрел на меня и тяжело дышал, потом перебросил нож из правой руки в левую. Он сделал это не глядя, но нож точно лег в ладонь и остался там, словно приклеившись, а потом Павел Аркадьевич стал быстро перебрасывать нож из руки в руку, крутить его поочередно каждой кистью, делая это и так, и сяк, под разными углами, подбрасывал, ловил, опять подбрасывал, опять ловил, опять перебрасывал из руки в руку, делая все так ловко, словно тренировался всю жизнь, а я смотрел на его фокусы не отрываясь. Подобное я видел только в фильме про головорезов из французского легиона, мы с пацанами ходили смотреть его несколько раз, в основном как раз из-за этой сцены. Но у кадровика все получалось даже ловчее, чем в кино.

– Сейчас я вырежу тебе аппендикс, баклан...

Внезапно мое тело обдало раскаленной волной и я почувствовал прилив ярости. У меня появилось чувство, что я могу запросто, голыми руками изломать весь этот кабинет. А главное, возникла убежденность, что это надо сделать. Но прежде стоило бы свернуть кадровику шею, потому что он меня достал, и вообще, такие люди не имели права на существование.

– Сам сдохнешь первым!

Я упал на ладони и, сгруппировавшись, стал совершать круговые движения ногами, пронося их под поочередно поднимаемыми руками, как это делают гимнасты на коне. На третьем махе я сумел сшибить зазевавшегося на мгновение кадровика, но едва он успел коснуться пола, как в следующий миг опять оказался на ногах и бросился на меня сверху. Я успел среагировать, перекатился в сторону, вскочил, опять увернулся, потому что кадровик бросился на меня вновь, опять ускользнул и, пятась, какое-то время отбивал выпады ножа, пока кадровик не подставился, и тогда я быстро дважды ударил его кулаками в корпус, но это не остановило чертову боевую машину, он продолжал наступать, а потом...

Потом я кинулся к стулу, чтобы переломать им кадровику все кости, но он сыграл на опережение, ринулся вперед как торпеда, сверкнул нож, я почувствовал сильный удар в бок и лицо кадровика исказила радостная гримаса.

– Молись, с-сука... сейчас нарежу из тебя лоскуты...

Я отскочил, потом предпринял еще одну попытку пробиться к стулу, но кадровик поставил подножку, я упал, он коршуном бросился на меня, но я успел подставить ногу и так толкнул его ступней, что он перелетел через стол, будто выброшенный из катапульты, упал где-то на той стороне, а потом...

Я очнулся. То есть, так мне почему-то подумалось. На самом деле я просто вдруг оказался в каком-то месте и не сразу сообразил, что это за место и зачем я здесь. Кажется, кто-то говорил, что так чувствуют себя эпилептики, очухавшись где-нибудь на асфальте и увидев столпившихся вокруг прохожих.

Но я точно не падал, я был уверен в этом. Просто, наверное, на долю секунды потерял над собой контроль. И наверняка виной тому была чертова жара. Когда-то в детстве мне довелось испытать подобное ощущение на пляже, когда солнце напекло мне голову.

Я обнаружил, что стою перед столом кадровика, а в ногах валяется упавший стул. Сам кадровик возился где-то за своим столом, его не было видно, слышалось только тяжелое хриплое дыхание. Кажется, у него тоже почему-то упал стул.

Я поставил свой стул, присел и постарался изобразить невозмутимость, хотя пребывал в растерянности. И растерянность усилилась, когда я обнаружил, что и сам дышу как паровоз и весь промок от пота.

– Стул упал... – пробормотал Павел Аркадьевич, выпрямляясь. – Кажется, я неудачно поднялся.

Он выглядел неуверенным и не смотрел мне в глаза. Я заметил, что у него треснула по шву правая штанина под ширинкой, а потемневшая от пота рубашка вылезла сбоку из штанов. Поколебался, но не стал говорить ему об этом.

«Прощай, уже вдали встает заря и день приходит в города; прощай, под белым небом января мы расстаемся навсегда», – пел Лещенко.

Кадровик поставил стул, присел, и несколько секунд смотрел на меня, словно что-то вспоминая.

– Насчет аванса, – на всякий случай сказал я.

– Я помню...

Он опять замолчал и около полуминуты сидел, тяжело дыша, а потом я сказал:

– Так может, вы скажете в бухгалтерии, чтобы они...

– Жарко, – сказал кадровик, – открою-ка я форточку.

Он поднялся, развернулся к окну, и я увидел, что его штаны и сзади слегка разошлись по шву. И опять я ничего ему не сказал.

Кадровик вернулся на место и аккуратно поправил почему-то разлетевшиеся по столу бумаги.

– Ладно, – наконец сказал он, – я позвоню в бухгалтерию, попрошу, чтобы они насчитали вам за отработанные дни. Но гарантии никакой. Они не обязаны это делать.

– Спасибо, – сказал я.

– И еще. Если они и пойдут вам навстречу, то сегодня все равно не получится. Самое раннее – завтра. А вероятней всего, в день зарплаты. Как раз на этой неделе всем будут выдавать.

– Спасибо, – повторил я. Потом поднялся и пошел к выходу.

А обернувшись, чтобы попрощаться, заметил, что пол кабинета измазан кровью. Это как-то сбilo меня с толку и я вышел молча.

На лестнице, на скамеечке, до сих пор сидели девицы из технического кабинета. Это обрадовало меня, потому что хотелось еще хоть немного поглазеть на ту черненькую. За те десять минут, что я провел в кабинете их начальника, девчонки изрядно надымили. Увидев меня, они замолчали. Мне показалось, что выглядели они растерянно.

Проходя мимо них, я традиционно покосился на ноги черненькой, а она традиционно это засекла и изобразила недовольство. Внезапно я рассмотрел, что под ногами девиц валяются пряди выдранных черных волос, а у моей красотки здорово распухло вокруг правого глаза. Потом поднял взгляд и обнаружил, что левую щеку блондинки пересекают четыре параллельных кровотокащих царапины, словно ей только что заехали по лицу ногтями.

Спустившись по лестнице, я не удержался, поднял голову и напоследок посмотрел на девиц снизу вверх. Они синхронно отвернулись...

– Эй, парень!

Я оглянулся и увидел полноватую женщину лет сорока, в светлом платье до колен. Ее лицо было испуганным, а смотрела она, похоже, куда-то в район моего живота.

Я остановился, развернулся к ней, и несколько секунд стоял молча, ожидая продолжения.

– Тебя что, порезали?

Я опустил глаза и обнаружил на левом боку куртки красное пятно. Чуть повыше талии оказалась прорезь, из которой сочилась кровь. Она уже успела пропитать штанину, а я только сейчас почувствовал, что мое левое бедро мокрое до самого колена. Я потрогал куртку пальцами, они окрасились красным, а потом зачем-то поднес их к лицу, словно был безнадежно близоруким.

– Да нет, вроде, – неуверенно сказал я.

– Как нет? – Женщина приблизилась и я увидел, что ее лицо белое как мел. – Посмотри, вон...

Я посмотрел и увидел, что дорогу от меня до крыльца здания отдела кадров густо усеивают красные капли, местами даже образуя целые потеки.

– Да ничего, – сказал я.

– К-как... ничего...

Я увидел, что женщине стало уже по-настоящему дурно, и испугался, что сейчас она брякнется прямо передо мной на асфальт, а я всегда в подобных случаях терялся, не зная, что делать.

– Может, вам вызвать «скорую»? – предложил я и огляделся. Конечно, на этой чертовой улице как всегда оказалось пустынно, и свалить заботу об этой дамочке было не на кого. Угрозило же ее сюда забрести. Я стал думать, откуда в случае чего можно позвонить, и успокоился, вспомнив, что внутри проходной на стене висят сразу три телефона. Пробежать двадцать метров, и все. А еще лучше подключить к этому делу тетку-вахтершу, а самому улизнуть в цех.

– М-мне?

Я посмотрел на ее выгнувшиеся в каком-то нездоровом удивлении брови и неуверенно пожал плечами.

– Извините, мне на работу надо, – пробормотал я...

Вырулив к ремонтно-механическому, я еще издали увидел столпотворение возле ворот в угловой зал. Точнее, в том-то и дело, что самих ворот как раз не было. Наши возбужденно размахивали руками и матерились, периодически оглядываясь на стоящий метрах в тридцати зелено-серый автопогрузчик.

– Что случилось? – зачем-то спросил я, словно что-то тут могло быть непонятным.

Викентьич посмотрел на меня как на идиота и ничего не ответил, просто сплюнул.

– Как я понимаю, точить прутки мне сегодня больше не надо, – сказал я.

– Правильно понимаешь, – буркнул Викентьич. – Сейчас пойдешь в кузницу, за Вакулой и сварным. Они там сидят и, похоже, не знают ничего... А что это у тебя?

Я перехватил его взгляд и пожал плечами.

– Хрен его знает. Наверное зацепился за что-нибудь.

– Ну так посмотри, – с раздражением сказал Викентьич. – Мне еще только разборка с инспектором по технике безопасности не хватало. Все остальные удовольствия – вот они... – Он кивнул на проем в стене, за которым валялись искореженные ворота, и опять сплюнул.

Я распахнул куртку, расстегнул рубашку, осмотрел бок. Там был свежий розовый шрам, а вокруг запеклась кровь.

– И то хорошо, что не у нас схлопотал, – сказал Викентьич. В его голосе прозвучало явное облегчение. – Это двухнедельной давности, не меньше. Наверное, разбередил не до конца зажившую рану, вот она и начала кровоточить.

– Наверное, – сказал я. И почесал шрам, потому что он здорово зудел.

– Ты ж не расчесывай! – прикрикнул на меня Викентьич и я отдернул руку. – Потому и кровоточит, что ты расчесываешь. Так оно у тебя никогда не заживет.

– Ну да, – сказал я.

– А что хоть было-то? – с любопытством поинтересовался Викентьич. – На ножевую здорово смахивает.

– Да на гвоздь напоролся, – сказал я.

– Ясно.

Я стал застегиваться, а Викентьич продолжал меня разглядывать. Его взгляд был странным, словно он не верил собственным глазам.

– Чего?

– Да мышцы у тебя, словно совковые лопаты... Ну, эти, грудные. А говорил, в качалку не ходишь.

– Да я это, ну... дома отжимаюсь, в общем.

Мне здорово надоели все эти разглядывания и расспросы. Сначала тетка, теперь Викентьич.

– Ясно... Только другой робы все равно не получишь, будешь до завтра с этой своей кровью ходить. Я уже все прачечникам сдал, нового не получил еще.

– Ладно, похожу, – сказал я.

– Ну что там Аркадьич?

– Да обещал помочь.

– Я же говорил, нормальный мужик.

– Ну да. Только не раньше, чем завтра.

– Ясно... До завтра-то дотянешь?

– Да должен, вроде.

– Если что, скажешь. Попробую тебе что-нибудь найти.

– Договорились, – сказал я и побрел в кузницу...

Вечером позвонил Виталь.

– Может, хотя бы на выходные соизволишь оторвать зад от дивана? – без предисловий, даже не поздоровавшись, спросил он.

– На озеро? – вздохнув, спросил я.

– Ну да. Затаримся пивом, поплаваем... Ты там много заработал, на этом своем «Текстиле»?

– Целую кучу, аж не унести, – сказал я. И поскольку Виталь молчал, ожидая продолжения, сказал: – Не знаю, получится ли. Там у нас сплошные авралы... Боюсь, как бы не припахали поработать в субботу, внепланово. Ты бы позвонил в субботу, а?

– «У нас»... «внепланово»... – проворчал Виталь. – Работяга хренов. Ладно, договорились. Отбой...

Я пошел на кухню и сожрал где-то два кило зельца. Мог бы оприходовать и больше, но надо было оставить что-то на ночь и на завтрак, поэтому приходилось экономить. От неожиданной двадцатипятки осталось всего около трояка – особо не разгуляешься.

Я выпил стакан кипятка и только тогда вспомнил, что опять не купил хлеба. А потом подумал, что на хрен этот хлеб вообще нужен, от мучного только разжиреешь, и пошел в отцовский кабинет, дрыхнуть.

– Так до сих пор и точишь? – спросил Викентьич.

Я выключил наждак и снял очки.

«Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края; прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января», – пел Лещенко.

– Ну так не дают же. То ворота, то еще чего.

– Сколько их всего?

– Сто.

– А сделал сколько?

Я посмотрел на ящики.

– Половину примерно. Сейчас сосчитаю.

– Да ладно, – сказал Викентьич, – это я так.

Он уже выходил, когда я спросил:

– Слушай, можно я по-быстрому на склад сгоняю?

– Зачем тебе?

– Да хочу посмотреть. Ну, будущее место работы... – И добавил на всякий случай: – Вдруг мне там не понравится, так я тогда лучше у вас останусь.

– Ну посмотри, – сказал Викентьич. – Да, слышь... Вернешься, давай сразу в кузницу, там Вакуле подсобить нужно. – Он заметил, что я посмотрел на ящики, и махнул рукой: – Подождут прутки, потом доточишь...

Я с усилием и скрипом открыл упругую, на мощной пружине, дверь, и попал в темный коридор. Постоял с десяток секунд, ожидая, пока глаза привыкнут после яркого солнечного света.

По лестнице быстро спустился мужик в костюме и очках. Я посторонился, давая ему пройти, но он остановился передо мной и спросил:

– Вы к кому?

– Да просто посмотреть. Я, наверное, работать у вас буду.

Он осмотрел меня с головы до ног.

– Кем?

– Грузчиком, наверное.

– А-а-а... тогда вам не сюда надо. Обойдите здание, там с торца есть еще одна дверь. Это вход на склад. Или идите на автомобильную рампу, она с противоположной стороны. Найдете мужчину с бородкой, он вам все покажет и объяснит. Он начальник смены.

– А здесь...

– А здесь у нас администрация.

– Спасибо, – сказал я. Потом пропустил мужика и вышел вслед за ним.

Работяги сидели на невысокой стопке поддонов, курили. Выглядели они разгоряченными – наверное, недавно что-то грузили. Поддонов на рампе вообще было до хрена и больше, наверное, сотни, а еще было множество тележек – пустых и с рулонами ткани. Машин возле рампы не стояло. Невдалеке застыл автопогрузчик. В кабине никого не было. Покрытие рампы состояло из крупных стальных листов, отшлифованных колесами погрузчиков.

«Прощай, среди снегов среди зимы никто нам лето не вернет... прощай, вернуть назад не можем мы в июльских звездах небосвод»... – пел Лев Лещенко. Наверное, где-то была установлена радиоточка.

Я подошел, на меня уставились три пары глаз.

– Привет, – сказал я.

Один кивнул, второй что-то буркнул, третий не отреагировал никак.

– Я это... ну, наверное, работать у вас буду.

– А сейчас ты где?

– В ремонтно-механическом. – Я зачем-то кивнул в сторону невидимого отсюда ремонтно-механического, словно они не знали, где он находится. – Попросили неделю там отпахать, прежде чем сюда оформить.

– И чего ты от нас хочешь? – спросил самый старший, ему было где-то под тридцатник.

– Да так... посмотреть просто. Ну, как тут у вас чего.

– Ну, смотри, – равнодушно сказал второй, чуть старше двадцати, в желтой майке без рукавов, открывающей неплохие бицепсы. На его плече был выколот парашют, крупные буквы «ВДВ» и еще что-то расплывчатое, шрифтом помельче.

Они потеряли ко мне интерес и просто сидели, затягиваясь дымом. Я помолчал, потом вспомнил:

– Мне сказали, тут такой мужик должен быть. С бородой.

– Это Сансаныч, – сказал тот, что постарше, – он на складе сейчас. Ну, там, внутри. – Он неопределенно мотнул головой.

– А туда свободно можно?

– Валяй, – сказал десантник. – Можешь с торца зайти, а можешь отсюда, с рампы. Если только в коридорах не заблудишься... Вон, в те ворота иди.

Я посмотрел на распахнутые ворота, через которые, наверное, электропогрузчики вывозили на рампу ткани для погрузки, или работяги вручную выталкивали тележки. Рядом была серая, в тон воротам, дверь. Наверное, там был закуток кладовщиков или что-то в этом роде. Я хотел двинуться к воротам и тут в их проеме внезапно появился мужик с небольшой аккуратной бородкой.

– Опять сидим, – сказал он.

Трое переглянулись и третий наконец подал голос. Это был уса́тый парень примерно возраста десантника, с лицом, густо усеянным неглубокими оспинами.

– Задолбал уже, – сквозь зубы процедил он.

– Саныч, тут к тебе, – сказал десантник.

Кажется, своим появлением я им помог, дав возможность переключить внимание начальника на меня.

Бородатый подошел, смерил троицу недовольным взглядом, затем уставился на меня вопросительно.

Я прокашлялся.

– Я к вам... ну, это. Устраиваться.

– А сейчас где?

– В ремонтно-механическом. – Я опять мотнул головой в сторону ремонтно-механического. – Временно. Попросили неделю отработать.

– А-а-а... – сказал бородатый.

Я думал, что он скажет или спросит что-то еще, но он молчал, ожидая, что скажу я. Я опять прокашлялся.

– А у вас это... ну, правда, что у вас сто восемьдесят можно заработать?

Кто-то из работяг хмыкнул.

– Можно и больше, – сказал бородатый. – Это если выходить по субботам, на срочные погрузки. Тогда за ту же работу платится вдвойне... Тебе уже есть восемнадцать?

– Ну да, – сказал я.

– Вот и хорошо. Значит, при желании сможешь работать по субботам. Иначе со стороны инспекции по охране труда могли бы возникнуть претензии, потому что это идет сверх недельной часовой нормы.

– Да мне и так пока хватит, – сказал я и тут что-то произошло.

Что-то произошло или мне показалось, что что-то произошло. Во всяком случае вокруг все изменилось. Ну, или вроде бы так. Воздух стал каким-то не таким. Ну, или как будто не таким. Зато солнце точно светило по-прежнему. Потом на секунду все вокруг раздвоилось и опять обрело резкость. А может, мне так показалось.

Лев Лещенко пел: «И ничего не говори, а чтоб понять мою печаль, в пустое небо па-а-асматри-и-и-и»...

Потом... потом бородатый посмотрел на меня и я увидел, что у него налились кровью глаза. Трое вскочили и мне показалось, что они сейчас бросятся на меня. Я попятился. Десантник хрипло сказал:

– Сто восемьдесят, говоришь, захотелось...

Он надвигался на меня, поигрывая налитыми бицепсами, а я пятился, пока не уперся спиной в высоченную стопку поддонов. Двое его дружков и бородатый тоже приблизились и я оказался в полукольце.

Внезапно я почувствовал невероятную ярость и желание переломать им кости. И еще у меня появилась уверенность, что я смогу это сделать, и, главное, так надо. Даже удивительно было, почему я до сих пор медлил. Я быстро огляделся, нагнулся и схватил обломок поддона. Это была нижняя его доска с увесистым деревянным кубиком на одном конце и торчащими крупными гвоздями на месте двух отсутствующих – идеальная палица, чтобы вправить мозги любому.

Четверо напряжились, готовые броситься на меня одновременно, и тут снизу кто-то закричал:

– Эй, где вы там! Давайте быстрее, иначе не застанем ремонтников врасплох!

Четверо, потеряв ко мне интерес, бросились к краю ramпы.

– Савельич, заводи скорей! – закричал бородатый вслед кряжистому мужику, который мчался неровными скачками к автопогрузчику. И, обернувшись, прорычал: – Приготовиться к бою!

Все разбежались кто куда, но тут же появились снова, и в руках каждого было какое-то оружие. Десантник вооружился длинным тесаком из заточенного полотна механической пилы, ручка которого была обозначена синей изолентой. У усатого и третьего были здоровенные самодельные ножи – наверное, используемые при работе; к примеру, для разрезания упаковок рулонов ткани или чего-то подобного. А бородатый, убежавший в дверь предположи-

тельно кладовщиков, выскочил на рампу с копьём из древка флага, в качестве острия к концу которого был примотан длинный, остро заточенный тесак. Кажется, тоже из полотна пилы.

Четверо почти одновременно прыгнули с полутораметровой рампы и помчались к только что заведенному автопогрузчику – тот вовсю рычал, изрыгая из вертикально установленной выхлопной трубы клубы черного дыма, и словно подпрыгивал от нетерпения на месте, дребезжа своими металлическими сочленениями.

– Чего застыл! – крикнул, остановившись на секунду и повернувшись ко мне, десантник. – Давай на броню, быстро! Ты же без пяти минут наш, складской!

Очнувшись, я без размышлений рванул к краю рампы, прыгнул и помчался со своей палицей вслед за ним к уже тронувшемуся с места автопогрузчику. Запрыгнувший первым, десантник протянул мне руку, я тоже на ходу запрыгнул на горячий от солнца корпус, и через десяток секунд, набрав скорость, мы мчались к ремонтно-механическому цеху с такой прытью, что полы моей робы развеивались по ветру, как взбесившийся флаг.

«Прощай, от всех вокзалов поезда уходят в дальние края, прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января», – доносился из кабины голос Льва Лещенко.

Сзади бежали еще человек пятнадцать складских, не успевшие оседлать погрузчик, и каждый был чем-нибудь вооружен и каждый кричал что-то грозное.

Когда до ремонтников оставалось метров тридцать, водила распахнул дверь.

– Десантируйтесь! – заорал он и мы слаженно соскочили с погрузчика.

Бородатый и рябой упали, но тут же вскочили, а мы с десантником кое-как удержались на ногах и все, не сбавляя скорости, помчались за железным тараном. Водила, подправляя курс, быстро вильнул вправо-влево, направил свой агрегат точно на ворота ремонтно-механического, и протяжно проревел хриплым басом клаксона.

– А-а-а-а! – проорал бородатый, вырываясь вперед, а стальная машина так долбанула в ворота ремонтников, что под ногами дрогнула земля.

Погрузчик подпрыгнул и заглох, окутанный бетонной пылью, и тут к цеху подбежали мы.

– Вперед! – прокричал бородатый, и, пока окровавленный водила, который головой высадил лобовое стекло, заводил свой агрегат, ловко нырнул в зазор между автопогрузчиком и разбитой стеной, выставив перед собой копьё. Еще двое наших нырнули за ним, и в этот момент автопогрузчик завелся. Водила сноровисто дал вперед-назад, повторил маневр, бешено вращающиеся колеса извлекли из асфальта черный дым, и под жестяной грохот опадающих на стальной корпус кирпичей автопогрузчик вырвался из пролома, с треском выдирая вилы из пробитых, покореженных ударом ворот. Мы радостно взревели и не глядя бросились в самую гущу окутавшей вход бетонной пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.